

Российская Академия Наук

**ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. К.Л. ХЕТАГУРОВА**

**Дзуцев Х.В., Атабиева З.А., Бетильмерзаева М.М.,
Бирагова С.С., Дибирова А.П., Султыгова З.Х., Хугаева А.А.,
Хубиев Б.Б., Узденов Т.А., Тугаева Л.О.**

**Современное состояние исследований по
религиозному экстремизму, основные направления
исследований в мировой науке:
социологический анализ**

**Программа и материалы массового опроса
населения республик СКФО**

Июнь, 2015 год

Москва-Владикавказ 2016

ББК 66.3(2Рос)3

Д43 Дзуцев Х.В., Атабиева З.А., Бетильмерзаева М.М., Бирагова С.С.,
Дибирова А.П., Султыгова З.Х., Хугаева А.А., Хубиев Б.Б., Узденов Т.А., Тугаева
Л.О.

Современное состояние исследований по религиозному экстремизму,
основные направления исследований в мировой науке: социологический анализ.

Программа и материалы массового опроса населения республик СКФО

Июнь, 2015 год

Монография – М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2016. – с.

ISBN 978-5-7556-0508-3

Научное издание

Рецензенты:

Член-корреспондент РАН Иванов В.Н.

Доктор социологических наук, профессор Осадчая Г.И.

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)

Номер проекта: 14-03-00069 от 28 мая 2014 г.

Настоящая монография посвящена изучению современного состояния исследований по религиозному экстремизму, а также основным направлениям исследований в мировой науке. Приведены также материалы массовых этносоциологических исследований, проведенных в северокавказских республиках: Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии-Алании, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

ISBN 978-5-7556-0508

ББК 66.3
ИСПИ, СОГУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....5

Раздел 1. Современное состояние исследований по религиозному экстремизму: основные направления исследований в мировой науке: социологический анализ..... 7

1.1 Религиозный экстремизм в мире..... 7

1. 2. ...в Европе15

1.3.в России...25

1.4. ... на Северном Кавказе31

1.5. Эволюция религиозных верований населения республик СКФО.....

Литература.....

Раздел 2. Программа и общая характеристика исследования ..49

Приложение №1. Одномерные распределения в разрезе национальности.

Приложение №2. Распределение установок респондентов в зависимости от пола.

Приложение №3. Распределение установок респондентов в зависимости от возраста.

Приложение №4. Распределение установок респондентов в зависимости от образования.

Приложение №5. Распределение установок респондентов в зависимости от уровня жизни.

ВВЕДЕНИЕ

Северный Кавказ является одним из наиболее сложных регионов Российской Федерации. Полиэтничность, поликонфессиональность, перенаселенность, экономическая дестабилизация, недостаток рабочих мест, проблемы репрессированных народов в условиях искусственно установленных и неоднократно изменяемых границ – все это создает конфликтогенную ситуацию в регионе. Смена советской идентичности на этнонациональную и религиозную обострила проблему государственно-правового этнонационального самоопределения.

В настоящее время на Кавказе наблюдается усиление влияния религиозного фактора на этнополитические процессы, его способность нагнетать напряженность в обществе и выступить детонатором социального конфликта. Этническая мобилизация как нелегитимная форма протестного отношения представителей гражданского населения на основе этнонационализма и религии вышла за рамки бытового национализма и стала развиваться в форме ксенофобии, политических и этнорелигиозных конфликтов, экстремизма и сепаратизма, включая крайнюю ее форму – терроризм.

Как показывает практика, сама по себе религиозная принадлежность не может быть причиной серьезных социальных конфликтов. Они обусловлены определенными политико-экономическими противоречиями, которые, формируя экстремистскую среду, способствуют накоплению недовольства. В условиях отсутствия иных форм представительства на политическом уровне и невозможности революционного сопротивления из-за деформации классов, люмпенизации масс и неравенства сил терроризм стал выступать как род инсургентского сопротивления граждан, не согласных с

политическими решениями властных структур, с которыми они не могут вступить в равную борьбу, объединяясь в партизанское движение, по сути, становясь инсургентами. Для приверженцев террористических организаций (например, таких как «Имарат Кавказ»), конечная цель - создание собственного исламского государства на всей территории Северного Кавказа, достижение определенного статуса в международной системе, выход на международную арену в условиях глобализации, когда наиболее развитые страны обозначили свое лидерство. В связи с возрастанием роли религиозного воздействия в северокавказских республиках России неизбежно встает вопрос о степени значимости для этого региона противоречия в системе «власть - инсургенты».

Расширение спектра угроз, проявляющихся в исследуемом регионе, усиление их дестабилизирующего воздействия на безопасность Российской Федерации на Северном Кавказе актуализируют проблему разработки теоретико-методологических, политико-правовых, социально-экономических и духовных основ обеспечения национальной политики России в регионе, значение научных результатов и выводов исследования, важность обоснованных практических рекомендаций по формированию основных направлений политико-правового ограничения экстремистской деятельности религиозных объединений на Северном Кавказе.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе сущности и содержания движения инсургентов в религиозной сфере как угрозы национальной безопасности Российской Федерации. В рамках предлагаемого проекта будут определены основные причины возникновения и распространения нелегитимных форм протестной активности определенных групп гражданского населения, дана классификация форм проявления экстремизма в религиозной сфере, обосновано их содержание с учетом современных социальных изменений в северокавказском

обществе, и разработаны основные направления политико-правового ограничения экстремистской деятельности религиозных объединений в субъектах СКФО РФ.

Раздел 1. Современное состояние исследований по религиозному экстремизму: основные направления исследований в мировой науке*

1.1.Религиозный экстремизм в мире...

Для постиндустриального общества, в котором пребывает ряд христианских стран, характерны ослабление роли религии вместе с развитием науки, поддержка религиозного плюрализма и веротерпимость. В противоположность этому в традиционных мусульманских обществах государств Африки и наиболее консервативных странах Азии религия определяет мировоззрение, хотя незначительный религиозный плюрализм в общественном сознании присутствует¹.

Религиозный фундаментализм стал атрибутом не только традиционного, но и сегодняшнего постиндустриального общества. Он характеризует взгляды обширных религиозных групп, призывающих к буквальному пониманию основных священных

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда (РГНФ). Номер проекта 14-03-000690 от 28 мая 2014 г.

¹ Масионис Дж. Социология, «Питер», 2004. 751с.

книг. Последователи этого течения считают, что доктрины, прописанные в этих текстах, должны быть применены во всех областях социальной, политической и экономической жизни. Религиозные фундаменталисты уверены, что возможен только один взгляд на мир, в их отношении к нему нет места ни сомнениям, ни возможности различных толкований. Фундаментализм проявляет себя в форме террористических актов. При этом эти акты и организации, которые они представляют, могут быть неизвестными, а их цели – неясными. К примеру, атаки 11 сентября 2001 года на США не были попыткой нанести стране военное поражение или захватить ее территорию. Совершившие их люди не представляли какую-либо конкретную страну, но у них была определенная цель, которую так и не удалось установить. Совершенно ясным является то, что такого рода террористические акции оказались выражением ненависти, попыткой дестабилизировать ситуацию в стране и поколебать моральный дух нации, вселив в души людей гнев и страх.

Тревога западного мира обращена на активизацию конфронтации государств Ближнего Востока к другим государствам, которые не разделяют их вероучения. По мнению политолога Сэмюэля Хантингтона, борьба между западными и исламскими взглядами может стать «столкновением цивилизаций»

не менее значительным и затяжным, чем холодная война. Более половины населения земного шара втянуто в это противостояние. Однонациональные государства больше не являются основными действующими силами в международных отношениях, поэтому соперничество и конфликты будут происходить между более крупными культурами и цивилизациями ².

Публицист и исследователь природы исламского экстремизма Hamed Abdel-Samad³ (2013) также считает, что исламский экстремизм уже не следует рассматривать в контексте геополитики только исламского мира. В своем выступлении перед аудиторией отделения истории иудаизма Мюнхенского университета он заключил, что в движении «исламизм» большинства мусульманских государств имеются три пути: 1. Войти в правительство в виде подавляющего большинства и насаждать оттуда свои волю и политику (это было бы самым разрушительным для общества); 2. Отойти от дел и выразить «полное доверие тактике правительства», признав, что последнее «работает на благо народа» (это было бы наиболее выгодной тактикой, так как в глазах народа они выглядели бы людьми,

² Huntington, Samuel, 1993. One clash of civilizations? // Foreign Affairs, 72. 3.1993.

³ Hamed Abdel-Samad // “Moderate Muslimbrüder? Wie Naiv!”//Die Presse, 03.07.2013.

сложившими свои знамена во имя мира); 3. «Алжирский сценарий», то есть отправка своих сторонников на улицы для терроризации народа. Это было бы доказательством их полной криминализации и скорого «демонтажа». Таким образом, сама история отправила бы их на свои задворки.

Аналогичной точки зрения на проблемы инсургентов исламского мира придерживается экспертное сообщество США. Американские военные эксперты отмечают, что инсургенты с годами демонстрируют все больший профессионализм: они успешно используют сложные технологии установки взрывных устройств, удачно охотятся за воздушными целями, используют качественную подделку документов, пользуются формой иракской полиции и вооруженных сил и пр.

По оценкам Иана Беккета [Ian F. Beckett], сотрудника Института стратегических исследований [Strategic Studies Institute], на сегодняшний момент не существует внушающее доверие статистика жертв партизанской войны в Ираке. Проблема заключается в системе подсчета: коалиционные силы в деталях сообщают лишь о своих потерях. Подсчет мирных жителей Ирака, погибших в результате взрывов и обстрелов, ведут иракские власти (официально объявлено, что в результате действий инсургентов погибли около 12 тыс. иракцев). Потери террористов и инсургентов

оцениваются лишь по косвенным источникам: по сообщениям иракских силовых структур, сил коалиции (по информации, размещаемой на исламистских сайтах) на основе публикаций в иракских газетах и пр. Наиболее известно лишь количество похищений иностранцев, организованных инсургентами, прежде всего за счет внимания, которое проявляют к этим событиям международные средства массовой информации. За период с 1 апреля 2004 по 31 января 2005 года они похитили 264 человека (на тот момент в Ираке находились около 100 тыс. иностранцев). 20% из них (47 человек) были убиты, 150 освобождены, пятеро сбежали. Лишь шестерых заложников удалось освободить в результате операций служб безопасности. Судьба 150 похищенных оставалась неизвестной.

Несколько лучше ситуация с анализом интенсивности атак. По данным исследовательского Института Брукинга [Brookings Institution], наиболее опасной зоной Ирака являются Багдад и Мосул, в которых ежемесячно фиксируются 300–400 взрывов бомб, обстрелов и пр. Наиболее спокойная обстановка на севере Ирака, в зонах, которые контролируются курдами.

Инсургенты заметно изменили свою тактику. В 2003–2004 годах подавляющее большинство атак было направлено на иностранные войска (к примеру, за период с октября 2003 по

сентябрь 2004 года их обстреливали и взрывали 3227 раз). На втором месте по общему количеству терактов и нападений была иракская полиция (209), на третьем – гражданские объекты (180). Большинство жертв были представителями мирного населения (1981 убитый) и полиции (480). Для сравнения: за тот же период времени погиб 451 солдат коалиции. С конца 2004 года инсургенты намного чаще атакуют иракские силы безопасности и военных, а также местные органы власти. Атаки на силы коалиции стали совершаться заметно реже: одной из причин этого называют достаточно низкую "эффективность" подобных нападений и то, что инсургенты стремятся прежде всего дестабилизировать ситуацию в стране, что возможно лишь с помощью давления на новые власти.

Согласно выводу, сделанному экспертами Института анализа глобальной безопасности [Institute for the Analysis of Global Security], достаточно удачными оказались действия инсурентов, направленные против экономики Ирака. По состоянию на апрель 2005 года в Ираке были убиты 276 и ранены 2.6 тыс. технических специалистов, работавших над реализацией различных инфраструктурных проектов. По данным Министерства обороны США [Department of Defense], из-за постоянных диверсий до сих пор не удалось восстановить довоенный уровень производства

электроэнергии. Добыча нефти не увеличилась. До сих пор до 30% жителей иракских городов не имеют доступ к водопроводу.

Еще одной целью инсургентов является создание атмосферы страха и безнадежности. Именно этим объясняют организацию ими экстраординарных террористических атак: например, на объекты, которые традиционно считались неприкосновенными (мечети, церкви, представительства ООН и иных международных организаций), взрывы супербомб в людных местах, что приводит к большому числу жертв и пр. По мнению экспертов Центра стратегических и международных исследований [Center for Strategic and International Studies], одной из главных задач инсургентов является формирование своего позитивного имиджа в глазах сочувствующих: каждый теракт, каждая атака воспринимаются ими как военная удача. Фактически инсургенты пытаются спровоцировать "столкновение цивилизаций", утверждая, что все их действия направлены на борьбу с Западом и США и защиту арабов и ислама.

Инсургенты представляют достаточно небольшую часть иракского народа: к примеру, по оценкам Центра стратегических и международных исследований, их число и число сочувствующих не превышает 6–9% от численности населения страны. Впрочем, опрос, проведенный силами коалиции в феврале 2005 года, показал, что

45% иракцев поддерживают атаки на оккупационные войска и лишь 15% – действия США, Великобритании и их союзников.

Как будет развиваться ситуация в будущем – пока неясно. Мнения американских экспертов весьма противоречивы. Как считает Джеффри Вайт [Jeffrey White], сотрудник Вашингтонского института ближневосточной политики [Washington Institute of Near East Policy], иракские инсургенты действуют по иному сценарию, чем их предшественники. "Классические" партизаны проходили в своих действиях три главные фазы: сперва они копили силы и совершали внезапные нападения в стиле "бей – беги", позже начинали борьбу за контроль за отдельными районами и анклавами, применяя здесь традиционные виды вооружений и армейскую тактику, и, наконец, пытались установить свою власть над всей страной. Иракские инсургенты действуют совершенно иначе и их конечные цели пока неясны, вероятно, и им самим.

По данным Министерства обороны США, за период с июня 2003 по 5 июня 2005 года в Ираке погибли 1674 американских военнослужащих, 1285 из них – в результате действий инсургентов; 54% – в результате взрывов бомб. Кроме них, другие члены коалиции потеряли 94 военнослужащих. Великобритания - 89 солдат и офицеров, Италия – 26, Украина – 18, Польша – 17, Испания (войска выведены из страны) – 11, Болгария – 10, Словакия

– 3, Эстония, Таиланд и Нидерланды – по 2, Дания, Сальвадор и Венгрия – по одному.

По состоянию на конец января 2005 года в тюрьмах Ирака содержались 7,9 тыс. заключенных. Сколько из них инсургентов, а сколько обычных преступников – неизвестно.

В мае 2004 года в Ираке были расквартированы 138 тыс. солдат и офицеров США и 23 тыс. из войск иных государств коалиции (всего 26). Наиболее крупные контингенты предоставили Великобритания (8 тыс.), Южная Корея (3,6 тыс.), Италия (около 3 тыс.), Польша (1,7 тыс.), Украина (1,6 тыс.), Грузия и Румыния (примерно по 800), Япония (550), Дания (530) и Болгария (460). По состоянию на май 2004 года в Ираке были подготовлены 90,6 тыс. полицейских, 72 тыс. военных и национальных гвардейцев. За период с июня 2003 по 5 июня 2005 года погибли 2204 иракских военных и полицейских. В апреле 2005 года 28–40% трудоспособных иракцев не имели работу.

1.2....в Европе

Противостояние Востока и Запада освещено в ряде работ европейских исследователей⁴. Они сошлись во мнении, что противоречия и трудности сегодняшней Европы объясняются

⁴ Gerhard J., 2004; Janßen A., Polat A., 2006; Blanchard. P., 2006. Цитируется по Apel Hans «Europa ohne Seele“.-Brunnen Verlag Gießen-2007- 256 S

различным восприятием реальности представителями европейской и мусульманской цивилизаций. В общественном европейском сознании все острие критики исламистов обрушивается на «столпы» европейских общественных ценностей – свободу и равенство. По утверждению же исламистов, западный мир вследствие чрезмерной свободы погряз в грехе. Его экономику и мораль губят два основных фактора: разрешение взимания процентов в хозяйственной и торговой сферах и чрезмерная самостоятельность женщин.

Удивительно, что сильных дискуссий по поводу посещения девочками занятий физкультурой, плаванием и походов нет. Но по поводу ношения платка в общественных местах дебаты не утихают. Он все еще воспринимается как символ самоидентичности, а порой – и как форма молчаливого протеста против чрезмерной эмансипации женщин в западном обществе.

По словам телеведущего одного из немецких телеканалов Отто Шилия (Otto Schily), «ислам становится исламизмом, когда из поведенческой пассивной формы протеста переходит к выражению политических взглядов против универсальных прав человека. Речь идет не только о стремлении добиться этого всеми доступными государственными средствами, но и об обращении к протестным выступлениям граждан. Но все же мы не считаем ислам и исламизм тождественными понятиями. Социальная интеграция мусульман в

европейское общество – это одно из наших общественных устремлений. Моя позиция по этому вопросу ясна: ислам – это религия, исламизм – это экстремистский инструментализм. Социальная интеграция мусульман в Германии может быть удачной только на основе политического самоопределения, которое заключается в однозначном безусловном признании европейских демократических законов. В этом случае ислам обогатил бы идеологию плюрализма в Европе»⁵.

Подобной точки зрения придерживается и другой аналитик – исламовед Zekirija Sejdini, профессор Инсбрукского университета. В своих трудах он проводит идею о бессмысленности попыток отделиться от политического ислама высоким забором пренебрежения и игнорирования, так как ислам уже стал европейской реальностью. Напротив, надо активно искать точки взаимодействия для оптимально разумного существования⁶.

Доктор теологии, профессор Hans Apel ⁷(2007) в отношении возможности взаимопонимания двух миров и интегрирования мусульман в европейский социум настроен не столь оптимистично.

⁵ Apel Hans. Europa ohne Seele. GGP Media GmbH, Pöbneck, Brunnen Verlag Gießen. 2007. 256s.

⁶ Sejdini Zekirija „Wir sind keine Götter“//Tiroler Zeitung, №66, 7. März. 2015.

⁷ Apel Hans. Europa ohne Seele. GGP Media GmbH, Pöbneck, Brunnen Verlag Gießen. 2007. 256s.

По его наблюдениям, выходцы из стран исламского Востока сами всячески этому сопротивляются. Объединения мусульман, прежде всего мечети, не всегда придерживаются рамок просветительской и обучающей деятельности. Свои занятия они строят на принципах далеко не демократических, ссылаясь на то, что это не предусмотрено характером их духовной деятельности. И это им удается тем легче, чем к менее привилегированным слоям принадлежат их прихожане, и более всего – с вновь прибывшими мигрантами. Особый акцент в проповедях делается на противопоставление мусульманского вероучения нашему (западному) установившемуся общественному порядку. Проповедники «политического ислама» видят в ведении уроков исламского религиоведения шанс укрепить свое влияние. Ханс Апель замечает, что даже иммигранты-мусульмане второго поколения существенно отличаются от таковых немусульман.

В чем же отличие эмигрантов-мусульман от им подобных из других стран мира? Эти отличия состоят в следующем:

1. Мусульманское духовенство активнее поддерживает своих прихожан в их тяжелых буднях;
2. Весомыми остаются рекомендации духовенства молодым мусульманам при выборе спутника жизни;

3. Мусульмане труднее адаптируются к западной жизни и вследствие этого способны освоить только начальные ступени обучения;
4. Разница между степенью удовлетворенности условиями жизни между мигрантами-мусульманами и немусульманами не прослеживается;
5. Исламские организации не пытаются способствовать большей интеграции своей молодежи в европейское общество;
6. Исламская молодежь более религиозна, чем ее неисламские сверстники. Это зависит еще и от того, кем они себя видят в будущем в нашем обществе;
7. Естественно, что в среде тех молодых людей, которые проводят время в основном со сверстниками своей национальности, в значительно большей степени возможно распространение установок исламского фундаментализма. Это также тем вероятнее, чем ниже уровень образования их родителей;

8. Чем более религиозна молодежь, тем тяжелее ее материальное положение. Она больше склонна к насилию, чем ее сверстники - немусульмане⁸.

К чести европейских государств, особенно Германии и Австрии, при финансировании со стороны Евросоюза создаются социальные службы психологической поддержки семей, столкнувшихся с угрозой вовлечения подростков и молодежи в сети экстремизма. На страницах австрийской прессы руководитель социальной службы «Женщины без границ» Edit Schlaffer делится опытом в этом направлении⁹. Под общим девизом: «Матери могут и должны воспрепятствовать террору» проводятся занятия с родителями, чьи дети оказались вовлечены в сети вербовщиков «воинов джихада» для исламского государства IS. Или с теми, кто уже успел там побывать, вернувшись физически и психически надломленными.

Нижеприведенные данные подтверждают высказывания Apel Hans. Опрос общественного мнения в «новых» и «старых» европейских странах, а также в Турции показал следующее. На

⁸ Apel Hans. Europa ohne Seele. GGP Media GmbH, Pöbneck, Brunnen Verlag Gießen. 2007. 256s.

⁹ «Tiroler Zeitung» (N61, 2 März. 2015)

вопрос: «Важна ли религия в Вашей жизни?» 17,9% респондентов «старой» Европы ответили положительно. Среди опрошенных «новой» таковых оказалось 23,1%, в Турции – 81,9%. На вопрос: «Является ли не верующий в Бога политик непригодным для политической деятельности?» 12,2% опрошенных «старой» Европы были с этим согласны; в странах «новой» – 18,5%; в Турции так ответили 62,3%.

Вопросы о толерантности наглядно дополняют эту картину. 49,1 % опрошенных в Турции не пожелали иметь христиан в качестве своих соседей по дому. Подобные же результаты были получены по вопросам о демократических ценностях, особенно равноправия мужчин и женщин (по материалам исследования)¹⁰. По свежим данным службы по трудоустройству Австрийской Республики на фоне общего роста безработицы (8,5% по стране в целом), безработица среди мигрантов в 2013 по сравнению с 2012 г. возросла на 20,5%, в 2014 – на 6,8, в 2015 – на 14,6%¹¹.

Около 15 миллионов мусульман живут уже в Евросоюзе. Во Франции – почти 6 миллионов, при этом почти 4 миллиона из них – выходцы из стран Магриба, прежде всего из Алжира. В

¹⁰ Jurgen Gerhard «Европейские ценности: подходит ли Турция Европе в культурном отношении?» // «Aus Politik und Zeitgeschichte» - В. 9, 2004, S: 14). Цитируется по Apel H., (2007).

¹¹ «Tiroler Zeitung» N62, 3. März. 2015

Германии проживают около 3,5 миллиона мусульман, в основном выходцы из Турции. Большинство из них предпочли принять гражданство страны проживания (Германии), но лишь для немногих из их числа интеграция на их новой родине прошла безболезненно. И уж ни в коем случае они не стали «частью немецкого общества». Новое гражданство не ведет автоматически к тому, что доселе самоизолированные «новые немцы» смогут навсегда покинуть свои «гетто», смогут и захотят освободиться от бедности, безработицы, отставания в школе, недостаточного профессионального образования.

В немецком обществе не утихают дебаты о том, смогут ли наши турецкие сограждане отойти от своего «параллельного социума» или нет? Если за ними будут продолжать стоять клановые структуры и мафиозные связи, с которыми они «повязаны» и которые держат в руках те экономические и социальные нити, которые связывают нас с «новыми гражданами», вряд ли это достижимо в ближайшем будущем.

Кроме того, в данных социумах большую роль все еще играют родственные связи с исторической родиной, их семейным «центрированием» и способами жениться и выходить замуж. Для данного слоя общества все еще преобладает манера «выписывать» невесту для своего сына /племянника из места происхождения

родителей. Молодая женщина прибывает в страну, с которой ее ничего не связывает, о языке и культуре которой она не имеет ни малейшего представления и которая для нее является абсолютно чужой. Эти семьи проживают в дальнейшем в квартирах, которые давно были покинуты немцами и где живут преимущественно только выходцы из других стран.

Рядом исследователей было определено, что в данных случаях влияние суннитского ислама на этих людей с годами только возрастает. Ими же установлено: чем ниже уровень школьного образования, тем сильнее вовлечены и связаны эти люди «локальной сетью» ислама¹².

Великобритания и Франция занимают в этом отношении особую позицию в Евросоюзе. Подавляющее число мигрантов прибывают туда из бывших колоний. Они обладают гражданством данных стран, однако из-за цвета кожи и происхождения ощущают на себе дискриминацию в области образования, на рынке труда при распределении квартирных квот. Расистские настроения в этих странах нарастают. На это выходцы из Магриба отвечают

¹² Andrea Janßen, Ayca Polat, «Soziale Netzwerke türkischen Migrantinnen und Migranten „Politik und Zeitgeschichte“ // В. 1-2, 2006, S. 11). Цитируется по Apel H., (2007)

«возвратом к своим этническим и религиозным истокам». Это усиливает ислам и восприимчивость к его сакральным паролем.

Французская республика стоит перед вызовом. Как он должен выживаться в среде французов, для которых «свобода, равенство, братство» являются общепологающими ценностями? Каким образом будут сосуществовать французская «светскость» и ислам? Это несопоставимо с основной идеей республики: одна нация с единой системой ценностей, религия же – личное дело каждого. Многие французы не желают уже мультикультурного общества наподобие такового в США. «Вопрос стоит о том, должно ли французское общество принять ислам на манер немецкого, где удалось открыто признать присутствие представителей исламского мира»¹³.

Совершенно очевидно, что движение за распространение ислама невозможно понять, если подходить к нему только с религиозных позиций. По мнению Энтони Гидденса, оно представляет собой реакцию против влияния Запада и является движением за национальное и культурное утверждение¹⁴. Вряд ли движение за возрождение ислама, даже в его самых фундаменталистских

¹³ Pascal Blanchard u.s. “La Fracture Coloniale”. S.118 цитируется по Apel Н., (2007)

¹⁴ Гидденс Энтони// Социология. М. – Изд «Эдиториал УРСС». 2005 . 632 с.

формах, следует рассматривать лишь как возобновление традиционных идей. То, что происходит в современном мире, как на Востоке, так и на Западе, представляет собой нечто более сложное. Традиционные виды деятельности и образ жизни «намертво» вплетаются в канву постмодернистского общества.

1.3.....в России...

Русский философ и религиовед XIX века Л.А. Тихомиров впервые попытался подвести философский фундамент под природу исламского экстремизма. В своем труде «Религиозно-философские основы истории» (цит. по интернет-ресурсу)¹⁵ он выдвинул тезис о том, что смысл религии ислама состоит в подчинении себе любыми способами. Ислам стремительно распространился на значительной территории под воинственной доктриной о том, что право на существование в мире, созданном Аллахом, имеют только те, кто безусловно ему подчиняется. Неподчиняющиеся — язычники — должны быть уничтожены. Тем народам, которые имеют Писание, дано было право на существование, но только подчиняясь магометанам и служа своей жизнью на их пользу. Действуя по повелению Абсолютного Божества, не имея никакого права изменять это повеление, магометанин становился фанатиком, не

¹⁵ <http://www.pokrov->

forum.ru/science/prav_phil_kult/kniga_tihomirov/txt/3.6.php

знающим ни рассуждения, ни снисхождения. Безусловный фатализм предопределения уничтожал в нем страх перед смертью. Павшим в священной войне против неверных немедленно «предоставлялся» рай со всеми наслаждениями, ибо такая смерть искупала все грехи. Из покоренных народов вырабатывались ревностные приверженцы магометанства, хотя, по преимуществу, среди народов не особенно развитых. Слабую сторону магометанства всегда составляла бедность содержания его религиозной идеи. По словам Л.А. Тихомирова, ислам ведет успешную пропаганду в Африке и России, но его сторонники уже не осуществляют основной смысл и требование своей веры — земного господства над неверными. Трудно даже представить, что при современных условиях, когда религиозная основа все менее принимается во внимание в международных отношениях, роль ислама могла сильно измениться. Как видно, во взглядах Тихомирова прослеживается мысль о том, что агрессия и экстремизм заложены в самой природе мусульманского вероучения.

Согласно концепции Сэмюэля Хантингтона, все формы межнациональных конфликтов, в том числе и религиозных, являются выражением единого противоречия – цивилизационного. Всевозможные формы (этнические, социальные, политические) в этом смысле – не истинные источники, а только форма проявления.

Подход к исследованию источника конфликта с позиции конфликта цивилизаций предоставляет возможность правильно измерять те ожидания конфликтующих сторон, которые могут лечь в основу компромисса¹⁶.

Из концепции цивилизационного подхода вытекает вывод о том, что исследование причин межнациональных конфликтов в России нельзя осуществлять, опираясь только на западный (но прежде всего американский) опыт конфликтологических исследований. В отличие от США, Канады, Австралии, большинство этнических образований в России не является эмигрантским этническим же землячеством, а представляет собой автономные государственные объединения на исторических территориях. Национальные проблемы в России коренным образом отличаются от таковых в США. У нас крупные этносы исторически объединены в государство, поэтому не приемлют разделение труда на общефедеральном уровне и у себя строят микромодель по федеральному типу.

В российской литературе замечена другая крайность. Исследовательский материал по проблемам религиозного

¹⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. ООО "Изд-во АСТ", 2003. – 608 с.

экстремизма на территории РФ часто бывает ограничен изучением проблем исламского радикализма в регионах. Ряд авторов года (Авксентьев В.А., 1998; Витюк В.В.,1983; Кочетов Э.Г., 2002; Ляхов Е.Г., Попов А.В.,1999; Пахомов В.Г.,2014; Шалапин С.О., Михайлов С.В., 2014) полагают, что религиозный экстремизм связан преимущественно с проникновением в регионы нетрадиционных исламских течений (например, ваххабизма).

Мусульманская правовая культура и ее влияние на концепции исламского радикализма, их регулирование рассматриваются в трудах Бобровникова В.О. (1999), Малашенко А.А., (2001), Малышева Д.Б.(1997), Сюкияйнена (1984), этнонациональный и этнорелигиозный экстремизм в рамках различных конфликтологических теорий - в работах Кочетова Э.Г. (2002), Манцева А.А. (1997), Мордовцева С.Г. (2013), Пахомова В.Г. (2014).

Некоторые исследователи замечают, что общая картина российских инсургентов подвержена значительной динамике, степень влияния «лесных братьев» на жизнь социума республик достаточно высока. Она постепенно усиливается, в том числе, и

через активное присутствие их идеологов в СМИ и социальных сетях¹⁷.

Так, обозреватель РИА «Новости» Вадим Дубнов в течение последних 20 лет наблюдал за подпольным движением ваххабитов и описал трансформацию социального портрета инсургента. «Лет десять назад в подполье были люди, представлявшие его значительную часть, с которыми можно было хоть что-то обсуждать. Сегодня на месте того подполья — “лес” с разными лидерами и еще более разными людьми, многим из которых просто некуда возвращаться и потому их уже совершенно не волнует идея, за которую они умрут. Умрут вместе, если получится, с волгоградцами или москвичами. Без всякого смысла, без прагматического мотива, без вменяемой цели, которые могли бы сделать действия террористов хоть в какой-то степени предсказуемыми и поэтому предотвратимыми. Способы борьбы с таким терроризмом, который существует не для какой-то, пусть

¹⁷ Дзуцев Х.В. Межнациональная напряженность на Северном Кавказе// Социум, № 11 (77). 2014. С. 123-136. Дзуцев Х.В. Ваххабизм в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: реалии и последствия //Социологические исследования. 2011. № 8. С. 107-114.

самой жестокой, но цели, а лишь ради самого терроризма, еще никто не нашел»¹⁸.

Как свидетельствуют приведенные выше литературные источники, для современного исламского общества России характерны: рост религиозного самосознания, религиозной идентичности, восприятие себя не просто определенной этнической группой, а частью гигантской мусульманской цивилизации; рост количества мечетей, возрождение исламской обрядности; формирование системы исламского образования, включающей в себя учебные заведения начального, среднего и высшего звеньев; восстановление исламской духовной элиты и прерванных связей со своими зарубежными единоверцами; политизация и радикализация ислама, распространение идеологии исламского радикализма¹⁹.

Большинство авторов едины в том, что в основе национальных противоречий лежат экономические проблемы, невозможность решения которых трансформируется в проблемы социальные, чаще всего классовые. Тогда олигархи и представляющая их интересы власть стараются перенаправить эти противоречия в русло национальных отношений, отвлекая, таким образом, внимание

¹⁸ <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2007/03/m85716.htm>

¹⁹ Муртузалиев С.И., Цатуров В.Н., Кислова Г.И., Магомедова М.М., Ханбабаев К.М. Реалии и перспективы поликультурного образования в Дагестане. – Махачкала, 2003. – С. 150–161.

конфликтующих от истинных виновников создавшихся противоречий. В качестве последнего может служить пример ситуации на Украине. Почвы для противоречий между двумя славянскими народами не было, конфликт искусственно возник, сформировался и развивался в виде гражданской войны.

1.4....на Северном Кавказе

Исторические формы этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе рассматривались в дореволюционных трудах российских и зарубежных авторов. Хотя большинство первоисточников этого периода является или дневниковыми записями, или анализом происходивших событий со стороны русского царского офицерства и грешат некоторой односторонностью; но представление об истоках и природе религиозного экстремизма на Кавказе составить можно. Дубровин Н.Ф., Данилевский Н.Я., Захарьин И.Н. (цит. по Лаврову Л.И), Руновский А.И. (1989), Чичагова М. Н. (1889) рассматривали Кавказскую войну 1817-1864 гг. как столкновение двух цивилизаций - Российской империи, с одной стороны, и мира кавказских горцев – с другой, по существу битву христианства с исламом в XIX веке.

Немецкие историки в основном поддерживали оценки российских авторов (Bell J.S., 1837, цит. по Лаврову, 1951; Wagner F., 1854., цит. по Бушуеву, 1953). Французские, английские, турецкие исследователи, наоборот, видели в участниках сопротивления на Кавказе своих геополитических союзников и стремились использовать их для отторжения от Российской империи ее окраинных территорий (Zaccone P. 1854., *Derbend-Nameh*. Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851. цит. по Шихсаидову А.Р., 2001; D'Ohsson M.C. *Les peuples du Caucase*. P., 1827., цит. по Магомедову Р.М.; Gammer, 1994).

Советские историки и государственные деятели, в зависимости от политико-идеологической конъюнктуры рассматривали Кавказскую войну и имапат 1877 г. либо как многочисленные формы проявления насилия на социальной, национальной или религиозной почве, либо как национально-освободительное движение (Гаджиев В.Г., 1989; Гамзатов Г.Г., 1998; Магомедов Р.М., 1939, 1957, 1959, 1991; [Бушуев С. К.](#), 1939, 1955; Багиров, 1950).

Позиция советского кавказоведа Л.И. Лаврова (1951) находится полностью в рамках преобладавшей в тот период концепции Кавказской войны, которая рассматривалась в ранней

советской историографии как национально-освободительное движение горцев, имевшее прогрессивный, демократический характер²⁰. Лидер советских историков-марксистов М.Н. Покровский первым подобным образом стал трактовать специфику шамилевского движения, рассматривая генезис Кавказской войны в контексте «колониально-грабительских» и «империалистических» устремлений правящих кругов царской России. Концепция М.Н. Покровского нашла отражение в работах всех ранних советских историографов Шамиля и Кавказской войны. С этих позиций написаны работы С.К. Бушуева (1939), Р.М. Магомедова (1939) и В.А. Фадеева (1939), выступившего предшественником Л.И. Лаврова по изучению участия горцев в этой войне. Более поздние исследователи в целом не меняли основной посыл советской историографии 1920–1930-х гг., рассматривавшей Кавказскую войну и движение горцев как яркий пример массового демократического, антиколониального движения во главе с

²⁰ Лавров Л.И. Вопросы происхождения народов Северо-Западного Кавказа // Совещание по методологии этногенетических исследований. Тезисы докладов и выступлений Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.- АН СССР. Л., 1951. С. 2-4. Электронная версия: http://apsnyteka.org/file/Lavrov_Ubykhi.pdf

признанным вождем народных масс Шамилем²¹. Однако определенная часть советских исследователей отстаивали точку зрения о том, что восстания горцев на Кавказе были инспирированы из-за рубежа (Х.Г. Аджемян, цит. по Абачидзе, 2009; Ш.В. Цагарейшвили, 1953). Публичное обсуждение позиции Х.Г. Аджемяна состоялось в 1947 г. Он выступил с докладом «Об исторической сущности кавказского мюридизма XIX — начала XX вв.» на расширенном заседании сектора истории народов СССР Института истории АН СССР. В его докладе говорилось о господствовавшей концепции восстания горцев как о наивном, одностороннем и ошибочном явлении, идеализирующем как личность Шамиля, так и его движение.

Социально-экономический строй горцев Дагестана и Чечни в первой половине XIX в. докладчик охарактеризовал как патриархально-родовой. Одной из характерных черт этого строя он считал разбойничьи набеги на соседние цветущие долины. Последние впоследствии были узаконены Шамилем, тем более что пристрастие к разбоям и грабежам было основной чертой нравственного облика и жизни горцев, у которых отсутствовали

²¹ Гаджиев В.Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1965.

какие бы то ни было культурные навыки. На путь «священной войны» с Россией их толкнул ислам, при этом отсталые и дикие горцы были упорны в своей борьбе. Они предпочитали быть подвластными более отсталой и подкупленной Англией Персии, а позднее — отсталой Турции, с которой поддерживали связь все имамы, в особенности Шамиль, добивавшийся протектората с ее стороны. По мнению Х.Г. Аджемяна, именно Турция, инспирируемая Англией, подготовила горцев к борьбе с «гяурами» и направила в Дагестан проповедников мюридизма и газавата. Мюридизм, в оболочке которого выступало движение горцев, Х.Г. Аджемян определял как «махрово-реакционное течение воинствующего ислама».

Мюридизм навязал горцам тридцатилетнюю войну и консервировал их отсталость, «усилил позиции антирусской коалиции, чем облегчил падение героического Севастополя». Х.Г. Аджемян подверг критике взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на Кавказскую войну и ее вождя Шамиля, считая, что в их работах 1850–1860-х гг. была преувеличена реакционная роль царской России, а под влиянием современной им английской прессы они идеализировали Шамиля. Докладчик утверждал, что Шамиль воплотил в себе все реакционные черты мюридизма и только после сдачи в Гунибе, находясь в плену, совершил единственный

правильный поступок, обратившись к своему народу с призывом прекратить борьбу. Между тем относительное благополучие горцы могли получить только с Россией, которая внесла в Дагестан первые проблески цивилизации, подняла благосостояние, открыв перед ним пути широкого европейского развития²².

В работах С.К. Бушуева за 1939 и 1955гг.²³ и А.В. Фадеева²⁴ произошла полная переоценка старой концепции, которая была признана ошибочной. Мюридизм, под флагом которого выступали горцы, был признан «идеологией, которая противопоставляла горцев не только царизму, но и русскому народу, его культуре и всему тому комплексу социально-политических отношений, которые существовали в то время в России — более передовых сравнительно с тем социально-политическим уровнем жизни, который был тогда в Дагестане». Отказавшись признать движение

²² Анчабадзе Ю.Д., Лавров Л. И. и его «Убыхи»// Электронная версия: http://apsnyteka.org/file/Lavrov_Ubykhi.pdf

²³ [Бушуев С.К.](#) Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. — Л., 1939. Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М., 1955.

²⁴ Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Северо-Западном Кавказе // Исторический сборник. М., 1936. Т. IV.

Шамиля демократическим, они также охарактеризовали его как реакционное и антинародное, которое было инспирировано Турцией, за спиной которой стояла Англия.

В 1950 г. партийный и государственный деятель М.Д. Багиров выступил на публичном собрании в Баку с докладом, основные положения которого вскоре нашли отражение в статье, появившейся за подписью руководителя республиканских коммунистов в центральном теоретическом журнале ЦК КПСС «Большевик». Он потребовал «подвергнуть критике имеющую широкое хождение в нашей советской исторической литературе ошибочную концепцию о якобы прогрессивном, освободительном характере движения мюридизма и Шамиля»²⁵ (с. 21). Впрочем, существует другая точка зрения на причины столь активной вовлеченности М.Д. Багирова в кампанию по «разоблачению» Шамиля. Багиров якобы вынашивал идею присоединения Дагестана к Азербайджану, поэтому стремился опорочить национального героя дагестанцев, что косвенно помогло бы в осуществлении лелеемой им цели²⁶

²⁵ Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик, 1950. № 13, июль (цит. по Анбачидзе Ю.Д.)

²⁶ Даниялов А.Д. Дагестан: время судьбы. Воспоминания. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1970.

В постперестроечный период были вновь пересмотрены постулаты эпохи социализма, обусловившие партийно-идеологические подходы к Кавказской войне, важнейшим аспектом которой была заостренная борьба с «буржуазным национализмом» (Дегоев В.В., 2000; Ханбабаев К.М. , 1999).

В российском обществе все еще присутствует выраженное осознание отстраненности русской нации от кавказских народов. Свидетельством этому могут служить результаты исследований члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко (2014). По результатам массового опроса российских граждан, наиболее глубокий след в сознании россиян оставили не только события Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., но и Кавказская война 1817–1864 гг. И это несмотря на значительную отдаленность двух исторических событий. Той или иной информацией о Кавказской войне располагают до 90% жителей СКФО, около 40% жителей Адыгеи, например, считают, что это событие тесно вплетено в социально-политическую реальность современности²⁷. В этой связи следует особо подчеркнуть, что в массовом сознании присутствуют достаточно разнообразные характеристики причин этой войны.

²⁷ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

Точки зрения о виновности самодержавной политики России придерживаются 46% респондентов, еще 31% обвиняют Турцию, 8% — местных феодалов²⁸.

Исследователи последнего поколения склоняются к рассмотрению экстремизма на Кавказе в XXI веке как к следствию роста классового и национального самосознания малых народов (Аманжолова Д.А., 2013; Магомедов Р.М., 1991; Магомедов Р.М., Магомедов А.Р., 1991, Османов Г.Г., 1999).

Современному этнорелигиозному экстремизму в Дагестане посвящена обширная научная литература. Проблемы этнонационализма и его экстремистские проявления были исследованы Абдулатиповым Р.Г., (1991); Брик А.Д., (2014); Дзугцевым Х.В. (2011, 2012, 2014), Домановым В.Г. (2013), Емельяновым В.П. (1997), Осиповым Г.В. (2007); Тишковым В.А., (1997); Черноусом В.В., Цихотским С.Э. (1999); Явичем А.С. (2000) и др. Так, В.А.Тишков дает следующее определение этнического конфликта: «...любые формы гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют по признаку

²⁸ Хунаху Р.А., Цветков О.М. Исторический феномен в современном преломлении //Социол. исслед. 1995. № 11.

этнических различий»²⁹. Если он и его школа относят все проявления этнонационализма к политическому экстремизму, то В.В. Черноус и др. развивают идеи сложной типологии национализма.

Современные американские и европейские исследователи представляют проблему исламского экстремизма несколько в другом ключе³⁰. Так, Monica Duffy Toft (Университет Оксфорда) и Yuri M. Zhukov (Университет Мичигана) термином «экстремистский ислам» обозначают широчайший спектр явлений. Это и всевозможные вооруженные группы «салафитов-джихадистов», называемых ранее ваххабитами, и «черные вдовы» (смертницы), и так называемые благотворительные организации, и республиканские клерикальные элиты.

Тесные контакты внутри «джамаата» и между собой они поддерживают посредством современных средств связи. Любое применение силы любым из этих субъектов в отношении

²⁹ Тишков В. А. О природе этнического конфликта //Свободная мысль. – 1993. – №4. – С. 8.

³⁰ Toft M. D., Zhukov Y. M. // Islamists and Nationalists: Rebel Motivation and Counterinsurgency in Russia's North Caucasus. American Political Science Review Vol. 109, No. 2 May 2015.

институтов государственной власти расценивается как атака экстремизма. Используя еженедельно поступающие данные из республик Северного Кавказа, М. D. Toft и Y. M. Zhukov отслеживали социально-политическую ситуацию в 7584 населенных пунктах 200 округов (районов) в девяти субъектах СКФО за период 2000 — 2012гг. Ими же был проведен обзор более 9 тысяч первоисточников, и лишь в 7% из них религия упоминается как причина конфликта. В остальных случаях основой конфликтов были названы причины националистического свойства. Таким образом, влияние религиозной мотивации на побуждение к насилию остается недостаточно выясненным. Также нет эмпирических данных, подтверждающих разницу поведения салафитов-джихадистов и национальных повстанцев на поле боя или их большей способности сопротивляться действиям государственных военных частей.

Авторы рекомендуют не отождествлять националистическое протестное движение на Северном Кавказе и исламистское, хотя они часто идут рука об руку и различить их действительно трудно. Правительственными силами подавляются в большей степени националистические протесты, а не исламистские. Также выяснено, что исламисты в меньшей степени находят поддержку у местного населения, чем националисты. Гражданское

население готово поддерживать борьбу последних даже дорогой для себя ценой.

Используя полученную в результате массовых и экспертных опросов базу данных на тему вооруженных нападений повстанцев и ответных действий Правительства России на Северном Кавказе с 2000 по 2008 год, Monica Duffy Toft и Yuri M Zhukov приходят к выводу, что наказание в данном случае является наименее эффективным и даже контрпродуктивным для замирения конфликтов на национальной и религиозной почве. Подобная стратегия не только не останавливает разрастание насилия на местах, но и усиливает риск продолжающихся боевых действий в районах боевых действий. Далее, чтобы добиться успеха, российские власти должны физически изолировать эпицентры повстанческой деятельности от мирных районов и стараться избегать использования карательных мер³¹.

Так как межгосударственные войны в настоящее время, к счастью, редки, внимание ученых смещается в сторону исследования причин и закономерностей протекания внутренних конфликтов. В последние годы появилось много интересной

³¹ Toft Monica Duffy , Zhukov Yuri M Denial and punishment in the North Caucasus: Evaluating the effectiveness of coercive counter-insurgency // *Journal of Peace Research*. Nov 22, 2012. 785-800

литературы о детерминантах гражданских войн. Политические экономисты, опираясь на данные национальной статистики, создали модели прохождения межнациональных конфликтов. Объясняя вспышки гражданских войн материальными мотивами, а не культурными, Fearon, J.D. and David D. Laitin D.D. расценивают подобные конфликты как вооруженный мятеж³². Lars-Erik Cederman, сотрудник Центра сравнительного анализа и изучения международных и национальных конфликтов Federal Institute of Technology (ETH) (Швейцария), считает: там, где центральная власть государства слаба и не достигает периферии из-за сложной географии, восстания становятся более вероятными. Тем не менее, по его мнению, этническая пестрота государства никоим образом не влияет на вероятность конфликта³³.

Почему национальные сообщества хотят отделиться, и где наибольшая вероятность возможности самоопределения? Nicholas Sambanis и Branko Milanovic предлагают такой метод экономического обоснования, по которому достигается компромисс

³² Fearon, James D., and David D. Laitin. 2003. Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review* 97 (1):75-90.

³³ Cederman Lars-Erik. Articulating the Geo-Cultural Logic of Nationalist Insurgency//Swiss Federal Institute of Technology (ETH), Center for Comparative and International Studies (CIS). January 13, 2004. 40 P. (репринтное издание).

между доходами населения и его суверенитетом. Более богатые регионы хотят больше самостоятельности, конфликты возникают из-за несоответствия между желаемым и фактическим уровнями суверенитета.

Приводятся простые эмпирические расчеты с использованием данных, собранных на уровне сотрудников среднего звена управления. В своей работе Nicholas Sambanis и Branko Milanovic обращаются также к созданному всемирному банку данных, охватывающему 48 стран мира³⁴. Данный банк готов предоставить открытый доступ к своим исследованиям и внести вклад в развитие политических дискуссий в мировом экспертном сообществе. N. Sambanis и B. Milanovic интересовала корреляция между обеспеченностью ряда стран природными ресурсами и уровнем доходов населения. Авторы пришли к выводу, что сложившаяся в ряде исламских стран ситуация является продуктом бедности и неравенства в социуме. Была найдена положительная связь между уровнем доходов в регионе и обеспеченностью его природными ресурсами. Также выявлено, что регионы, где проживают национальные меньшинства, имеют более

³⁴ Sambanis N. Milanovic B. Explaining the Demand for Sovereignty// Policy Research Working Paper. The World Bank Development Research Group Poverty and Inequality Team. November. 2011. 37P.

низкий уровень суверенитета. Это в еще большей степени усугубляет межличностное неравенство в них.

В наших работах дана оценка социально-экономической и политической ситуации в Республике Дагестан. Основными факторами напряженности, по нашему мнению, являются межконфессиональные противоречия, т.е. противоречия между различными течениями в исламе, вызванные статусным положением этих течений. В обществе есть осознание напряженности, раскола, вызванного все возрастающими претензиями политизированного ислама оказывать определяющее влияние на общественно-политическую и повседневную жизнь дагестанцев. В меньшей степени ощущаются межнациональные напряженность и противостояние, которые не носят явно выраженный характер, но имеют тенденцию к усилению.

Противостояние по линии «власть – народ» не выражено ярко, так как власть слаба и коррумпирована на всех уровнях. Различными экспертами довольно часто упоминается тезис о том, что в реальности Республика Дагестан не включена в правовую зону РФ, социальные проблемы решаются не по закону, а по «понятиям». Общество уверено в том, что интересы власти не являются государственными, законными. Более того, население республики смирилось с таким положением на фоне повышения

уровня религиозности граждан. Однако накопленная протестная энергия масс при определенных раздражителях может перерасти в открытое противостояние и даже в гражданскую войну.

Политические противоречия – это лишь производные кризиса экономики республики, охватившего все отрасли производства и деградировавшего ее социальную сферу. Неработающая экономика выступает фактором высокого уровня безработицы. В результате заработная плата ниже порога стоимости воспроизводства физической силы работника, но даже и такую работу найти сложно. Те же, кто не согласен работать за гроши, вынуждены искать другие источники доходов, как правило, преступные; одним из таких источников является бандитизм. Улучшение экономической ситуации могло бы способствовать стабилизации ситуации политической, снижению опасности экстремизма и привлечению инвестиций в экономику. Доходов республики недостаточно для того чтобы обеспечить населению доступ к качественным услугам образования и здравоохранения, культурной сферы, транспортной и жилищно-коммунальной инфраструктур. Большая часть молодежи не имеет возможности получить образование такого уровня качества, которое потенциально могло бы стать исходной точкой для прорыва в области науки, техники, культуры. Есть небольшая горстка молодых людей, которые имеют финансовые возможности

(и интеллектуальную базу) для обучения в лучших вузах страны и мира. Но они, получив образование, как правило, не возвращаются в беспокойный, кризисный Дагестан. В итоге происходит активное «вымывание мозгов». Ситуация такова, что внутреннего потенциала и финансов для модернизации республики недостаточно. Необходим человеческий фактор, т.е. потенциал интеллектуальный, профессиональный, а он в Дагестане не подготовлен.

Многие авторы сошлись в том, что основным фактором напряженности в республике являются межконфессиональные противоречия (Ханбабаев К.Б., 2004; Абдулатипов Р.Г.,1991; Стародубовская И.В.,2014). Социально-экономическую ситуацию в республике Стародубовская И.В. оценивает как кризисную, даже катастрофическую³⁵. Сегодня народ Дагестана нуждается в грамотном политическом руководстве. Роль государства в экономике республики должна быть шире, чем в настоящее время, и граждане требуют принять необходимые меры против криминализации экономики, а также внести коррективы в ее

³⁵ Стародубовская И. В. Как искоренить террор в Дагестане// «Новое дело», №18, 08.05.2014.

социальную политику (Муртузалиев С.И., Цатуров В.Н., Кислова Г.И., Магомедова М.М., Ханбабаев К.М., 2003).

1.5. Эволюция религиозных верований населения республик Северо-Кавказского федерального округа

Изучение трансформации религиозных верований народов Северного Кавказа с точки зрения сопротивления официальной политике Российского государства представляется особенно актуальным в связи с сегодняшним социо - политическим положением в республиках СКФО РФ, неуклонным возрастанием религиозного влияния на этих территориях. Расширение спектра угроз, проявляющихся в исследуемом регионе, усиление их дестабилизирующего воздействия на безопасность государства актуализируют разработку теоретико-методологических, политико-правовых, социально-экономических и духовных основ национальной политики России в СКФО. Чтобы показать, как ушедшие поколения влияют на сегодняшнее, мы хотим привести архивные документы XVI-XIX вв.

В VI веке среди народов Северного Кавказа стало распространяться христианство. В 526 году возникла Зихская епископия (среди адыгейцев Северо- Западного Кавказа тогда же началась христианизация аланских племен). В X веке в верховьях

Кубани была создана Аланская епископия. Как известно, потомки алан осетины в большей своей части (80 %) вплоть до настоящего времени исповедуют христианство. Большое количество памятников христианской культуры сосредоточено и на территории Ингушетии, особенно в Ассинской котловине, которая считается очагом средневекового христианства вайнахских племен.

Опустошительные походы монголов и Тимура, которые велись на территории Северного Кавказа, надолго затормозили процесс экономического развития этого района. Период XIII-XV вв. был одним из самых тяжелых в жизни вайнахских и других народов Северного Кавказа.

В свете современной фундаменталистской пропаганды определенный интерес представляет то обстоятельство, что их разгром, учиненный золотоордынскими ханами и Тимуром в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Кабарде, был совершен мусульманскими правителями.

В 1557 г. Кабарда была принята под покровительство России. В 1558 году кабардинцы уже участвовали с русскими отрядами в походе против Крыма. Тогда же была предпринята попытка обратить кабардинцев в христианство, для этого в Кабарду были направлены представители православного духовенства, но эта затея закончилась неудачей. Союз с Кабардой был закреплен в 1561г.

браком Ивана Грозного с дочерью князя Темрюка, принявшей при крещении имя Мария.

Ближайшее геополитическое окружение территорий Северного Кавказа издревле рассматривало Российскую империю как зону своего влияния. Так, воспользовавшись ослаблением

Российского государства в начале XVII века (Смутное время), Турция и Крымское ханство усилили свою агрессию на Северном Кавказе, добившись подчинения себе адыгейцев и кабардинцев. Целью данных действий являлась попытка вновь поставить под их контроль главную дорогу, ведущую от восточного побережья Черного моря к Каспийскому. Крымские ханы огнем и мечом распространяли на захваченных территориях ислам. Однако больших успехов при этом не добиваются. Основная масса адыгейцев продолжала придерживаться своих древних полужыческих, полухристианских верований. Только феодальная верхушка приняла ислам (знакомый ей еще со времен Золотой орды) в надежде использовать религиозный фактор для укрепления своей власти над народом.

В 1785 г. в Чечне началось антиколониальное движение под руководством жителя чеченского аула Алды Ушурмы, принявшего имя шейха Мансура. Он получил поддержку в ряде горных районов Чечни, Западного Дагестана и Кабарды, а также светских и

духовных феодалов. Однако, призывы шейха Мансура к борьбе с русскими и проведению газавата не нашли широкий отклик, поскольку в тот период влияние ислама в горных районах было слабым.

Попытка шейха Мансура путем набега овладеть Кизляром также не удалась, зато это восстание вызвало большой интерес в Стамбуле. Оттуда были направлены агенты и султанские фирманы (указы), призывавшие чеченцев, кабардинцев и дагестанцев объединиться с турецкими войсками против России. Видимо, поэтому Г.А. Потемкин-Таврический в своей директиве кавказскому командованию писал, что Ушурма - это «лжепророк или, лучше сказать, орудие, присланное от турок».

Во второй половине XVIII века началось социальное расслоение в общинах Северного Кавказа. Историк терского казачества И.Попко писал:

«Кзаки держались на своих гребнях благодаря поддержке князей Малой Кабарды, землю которых они прикрывали и приятельским связям с маловоинскими и немусульманскими тогда соседними чеченскими обществами, из которых брали даже жен».

Стремясь ослабить противодействие духовенства, тесно связанное с феодальной верхушкой, А.П.Ермолов в 1822 г. предписал учредить в Кабарде Временный суд по гражданским

делам с участием русских чиновников и частичное применение русских законов вместо духовных судов, практиковавшихся ранее. В том же году было запрещено паломничество в Мекку и Медину. Все это вызвало резкое противодействие мусульманского духовенства. Часть духовных и светских феодалов Кабарды бежали из долины Терека в Горную Чечню. Однако многие феодалы и старшины склонялись к подчинению царским властям, чтобы сохранить свои привилегии. Местному населению это сулило двойной гнет – своих феодалов и царских властей.

Этим не преминуло воспользоваться фанатичное мусульманское духовенство. Встав во главе вооруженных выступлений, воинствующие проповедники ислама пытались подчинить народ своей власти, объединив его знаменем религиозной идеологии мюридизма, которая в то время начала распространяться на востоке Чечни и в сопредельных районах Дагестана. Часть из них во главе с Шамилем добивались создания исламского государства имамата. Это было новое явление, серьезно осложнившее обстановку восточной части Северного Кавказа.

Идеология мюридизма распространилась в Чечне и Дагестане к 30-м годам XIX века. Термин «мюридизм» происходит от арабского слова «мюрид», что означает послушник. Отрекаясь от всего земного, он обязан слепо и покорно выполнять все приказания

своего религиозного наставника, вплоть до самопожертвования. Главная задача мюридов - газават (джихад, война с неверными). В накаленной обстановке Северного Кавказа мюридизм принял ярко выраженную социальную направленность. Горские социальные верхи всячески старались подвести под флаг мюридизма народные массы, направляя их антифеодальную и антиколониальную борьбу в русло газавата.

Годами раньше в Северо-Западном Дагестане и Восточной Чечне произошли крупные вооруженные выступления горцев под флагом мюридизма. Его организатором стал мулла из дагестанского аула Яраги, известный под именем Мухаммеда Ярагского. На его призыв откликнулся Бейбулат Таймазов из чеченского аула Майюртуп.

Он был известен как организатор неоднократных набегов на новые русские позиции на Сунженской линии. Вскоре в Чечне появились проповедники мюридизма из Дагестана, агенты из Ирана.

Как уже отмечалось, особое недовольство царской администрацией выражало мусульманское духовенство, из среды которого стал распространяться мюридизм. В декабре 1828 года, будучи мюршидом, т.е. наставником мюридов, Мухаммед Ярагский

утвердил одного из мюридов - Мухаммеда из аула Гимры - «имамом Дагестана и Чечни».

Итак, Кази-мулла (Гази-Мухаммад) стал первым имамом. Он призывал к газавату, стремясь соединить разрозненные племена Восточного Кавказа в одну враждебную России массу. Получив титул гази, т.е. борца за веру в газавате, последний приобрел известность под именем Кази-муллы. Используя рост недовольства царской властью в среде горцев, он стал энергично распространять лозунги газавата и быстро добился успехов. Уже в 1829 году значительная часть населения Дагестана поднялась по его призыву на борьбу за веру против русских. Движение горцев под флагом мюридизма явилось толчком к расширению Кавказской войны, хотя некоторые горские народы (осетины, ингуши, кабардинцы) к нему не примкнули.

«Между тем как Кази – мулла сам действовал в Дагестане, его сообщники склонили к нему чеченцев, салатавцев и кумыков, которые, видя его успехи в Дагестане, охотно, а некоторые принужденные силою, принимали шариат и присоединялись к его скопищам».

Примерно в то же время генерал-адъютантом Панкратьевым было оглашено воззвание к горцам Дагестана, в котором говорилось: «О, мусульмане! Как вы не видите, что обманщик сей,

Кази-мулла, под предлогом шариата (духовного закона) вводит народы в беспутство и гибель и, разглашая Джихад (священную войну), ищет для себя владычества и злата, разоряя вконец многие народы и напрасно проливая кровь человеческую. Избежете ответов и нареканий, коим подвергаетесь как в сей, так и в будущей жизни. Здесь вы лишаетесь всего достояния вашего. А там вы должны будете дать ответ перед Богом, что не исполнили волю Его, сказанную в Коране. Не введите себя в гибель. Обманщик этот говорит вам ложь. Мы благоприятствуем всем верам и исповедам, даже поощряем народы к исполнению своих обрядов, ибо все мы веруем в того же самого Единого Бога. Взгляните на мусульманские народы, живущие среди самой России: не следуют ли они своему вероисповеданию, встречают ли препятствие в исполнении обрядов и не славят ли торжественно на мечетях?»

«Нельзя не удивляться и не сожалеть о тех, которые, соединяясь с коварным и лживым Кази – муллою, веруют ложным словам его против воли Бога, пророка Его и священным книгам. О, мусульмане, как вы не видите, что обманщик сей под предлогом шариата вводит народы в беспутство и гибель».

17 октября 1832 года командующий Кавказским корпусом барон Розен взял Гимры; Кази-Мулла, первым бросившийся на врага погиб, весь исколотый штыками. Его тело было распято и в

течение месяца выставлено на вершине горы Тарки-тау. После этого голова была отсечена и как трофей направлена по всем крепостям Кавказской кордонной линии.

В 1832 г. вторым имамом был провозглашен Гамзатбек. Благодаря военным победам ему удалось сплотить вокруг себя почти все народы Горного Дагестана, которые, приняв проповедуемый им шариат, дали присягу действовать против русских под зеленым знаменем ислама. В 1834 году он вторгся в Аварию, овладел Хунзахом, истребил почти всю ханскую семью, придерживавшуюся пророссийской ориентации, и помышлял уже о покорении всего Дагестана, но погиб от рук заговорщиков, мстивших ему за убийство ханской семьи.

В 1834 году имамом был избран ближайший друг Гази-Магомед Шамиль. Ему первому из имамов удалось организовать горцев в регулярную армию, состоявшую из десятков и сотен. Последние в свою очередь объединялись в более крупные отряды разной численности. Он ввел на подвластной территории законы шариата и установил в армии железную дисциплину. Малейшее ослушание каралось телесным наказанием или смертью. Приведенные архивные материалы о принуждении Шамилем жителей дагестанских сел к принятию учения Кази – муллы красноречиво свидетельствуют о духе, царившем в его воинстве:

«Шамиль, племянник Кази – муллы, соединяясь с чеченскими мятежниками, занявшими деревню Игали, находящуюся на реке Аварское Койсу, начал увещаниями и угрозами принуждать койсубулинские и другие соседние деревни к принятию учения Кази – муллы. Многие из сих деревень повиновались ему без сопротивления, а другие отказались от последования сему учению. Для наказания непринявшей сего учения койсубулинской деревни Карадех Шамиль предпринял к оной движение со всем своим скопищем, и Шамиль истребил эту деревню, из 140 человек защищавших, в живых остались только 17 человек».

В течение 25 лет Шамиль руководил вооруженной борьбой дагестанских и чеченских горцев против России, мечом и огнем укрепляя позиции ислама на контролируемых им территориях.

Текст данного донесения свидетельствует о скором расширении влияния Шамиля. «Вредное учение Шамиля распространялось более и более, находило везде ревностных поборников (мюридов) и подготовляло умы к общему восстанию. Сначала, прикрывая свои замыслы личной преданностью к исламу, он ограничивался толкованием Корана в религиозном отношении. Но с 1836 года, величая себя преемником Кази– муллы и имам – азамом (великим имамом), он начал открыто проповедовать всеобщее равенство, истребление ханов и всякой

наследственной власти, необходимость поголовного ополчения против неверных для поддержания свободы гор и чистоты магометанской веры, - вот основные догматы его учения. Это опасное учение, следы которого заметны стали на всем Востоке и которое кажется в тайной связи с сектою мюридов в Персии и ваггабитов в Аварии, было так хорошо приспособлено Шамилем к настоящим обстоятельствам и к направлению умов горцев, что оно получило в короткое время необыкновенно обширное развитие. Шариату его подчинялись: весь Нагорный Дагестан, все гумбетовцы и андийцы, он нашел многочисленных поборников и между салатовцами и всеми чеченскими племенами, ослушники наказывались иногда даже смертью.»

Из письма Шамиля к чеченскому народу с угрозами наказания за неверность шариату: «Вы забыли обязанность вашу по шариату, ибо шариат гласит, чтоб стараться возобновить веру, дать народу один только шариат, а вы действуете совершенно напротив, за что, к стыду вашему, вы пострадаете от меня в то время как я в скором времени с помощью Бога приду к вам и будете наказаны за невнимание к пользе для веры и за обманчивость вашу на сем свете имя Бога его пророка».

По сей день в российском обществе все еще присутствуют выраженное осознание отстраненности русской

нации от кавказских народов. Свидетельством этому могут служить результаты исследований члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко (2014 г.) По результатам массового опроса российских граждан, наиболее глубокий след в массовом сознании россиян оставили не только события Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., но и Кавказская война 1817–1864 гг. И это несмотря на значительную отдаленность двух исторических событий. Той или иной информацией о Кавказской войне располагают до 90% жителей СКФО, около 40% жителей Адыгеи, например, считают, что это событие тесно вплетено в социально-политическую реальность современности. В массовом сознании присутствуют достаточно разнообразные характеристики причин этой войны. Точки зрения о виновности самодержавной политики России придерживаются 46% респондентов, еще 31% обвиняют Турцию, 8% — местных феодалов.

Приведенный анализ источников, посвященных трансформации религиозных верований народов Северного Кавказа, позволяет сделать следующее заключение.

Противостояние автохтонной части населения республик СКФО РФ всегда было окрашено в драматические тона. В период возникновения Российского государства в пределах нынешних границ РФ, народы Северного Кавказа были уже сложившимися

общностями со своей цивилизацией, а именно: религиозным и бытовым мировоззрением, системой представлений и ценностей, укладом жизни и ведения хозяйства.

Истоки сегодняшних проблем Кавказа и России уходят корнями в далекое прошлое. Сложившиеся веками взаимоотношения между государствами и народами определили и нынешнюю картину в России. На Северном Кавказе интеграция с Российским государством проходила очень сложным путем с применением насилия. Те народы, которые в минувшие столетия вошли в состав России добровольно (осетины, адыгейцы), не создали в нынешнем столетии проблем для федеральной власти. Те же народы, которые были присоединены силой (Чечни и Дагестана) проявили себя в новейшей истории по-другому: налицо противостояние федеральной власти и обострение взаимоотношений между собой.

Народы Северного Кавказа изначально были отличны от основной части империи по своему менталитету, культуре, уровню общественного, социального развития. В историческом аспекте это создало неблагоприятный фон во взаимоотношениях центра и Кавказа, равно как и депортация ряда народов в годы советской власти.

Теократический имамат Шамиля был основан не на национальной, а на религиозно-теократической базе. Идейной его основой служил воинствующий мюридизм, а не национальные идеалы.

Шамиль умело использовал коранические лозунги, призывая воевать под знаменем газавата против царских властей, сумел объединить значительную часть дагестанцев и чеченцев, поднять их на «священную войну» против России. В результате этой войны было создано самостоятельное теократическое государство – имамат.

Объединение в одних руках духовной и светской власти было явлением весьма редким в истории ислама. Если принимать во внимание Омейядский и Аббасидский халифаты, яркими примерами имамата могут служить таковой в Омане и государство махдистов в Судане.

Двадцатипятилетняя война горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля не могла не усилить позиции ислама на этих территориях. Учитывая это обстоятельство, по окончании Кавказской войны наместник на Кавказе князь А.И. Барятинский от имени царя обнародовал «Прокламацию к чеченскому народу», где сообщалось, что горцы могут беспрепятственно исповедовать свою веру и будут управляться по адату, шариату и народным судом.

Этот факт можно рассматривать как значительную уступку центральных властей по отношению к мусульманским народам Кавказа. Заметим, что ранее в ходе Кавказской войны были запрещены паломничество в Мекку и Медину, духовные суды были заменены общегражданскими с российским судебским корпусом.

Изучение вопроса трансформации религиозных верований горцев Северного Кавказа неизменно переплетается с темой протестной борьбы с официальными властями. Это обнаруживается и при изучении литературных источников.

Вокруг социальных корней этнорелигиозного экстремизма по сей день ведутся в научной среде дебаты. В конечном итоге все больше исследователей придерживаются точки зрения не религиозного, а экономического и этнического происхождения подобных конфликтов.

Литература

1. Анчабадзе Ю.Д. Лавров Л. И. и его «Убыхи»//
Электронная версия:
http://apsnyteka.org/file/Lavrov_Ubykhi.pdf.
2. Абдулатипов Р. Г. Природа и парадоксы национального «Я». М., 1991.
3. Авксентьев В.А. Этнические проблемы Северного Кавказа в контексте общероссийских и мировых этнических процессов // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. 1998. – №2.– С. 9 – 12.
4. Аманжолова Д.А. Из истории межэтнических конфликтов в России (1905-1916 гг.),
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Aman_IstKonf.php
5. Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик, 1950. № 13, июль (цит. по Абачидзе Ю.Д.)
6. Белевич К. Несколько картин из кавказской жизни и нравов горцев. СПб, 1872 (цит. по Лаврову).
7. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.И. Ислам в современных республиках Северного Кавказа. - Ростов-на-Дону, 2002. - С. 26.

8. Бобровников В., Ярлыкапов А. "Ваххабиты" Северного Кавказа. - Ислам на территории бывшей Российской империи (энциклопедический словарь), т.2, М., 1999, с.20.
9. Брик А.Д. Эволюция российского миграционного законодательства // Юрист-правовед, 2014, №3, С. 65-69.
10. Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Л., 1939.
11. Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М., 1955.
12. Витюк В.В. Буржуазная политология об источниках современного «левого» терроризма // Вопросы истории и критики буржуазной социологии. М.: АН СССР, Институт социологии, 1983. С.21-42.
13. Гаджиев В.Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1965.
14. Гаджиев В. Г. Шамиль: историко-политический портрет.— Российский ежегодник. Вып. I. М., 1989.
15. Гамзатов Г.Г. К вопросу о мотивах извращения истории Кавказской войны. Вестник ДНЦ РАН. Т. I. Махачкала, 1998.

16. Гидденс Энтони Социология. М.- Издательство «Эдиториал УРСС». 2005 . 632 с.
17. Даниялов А.Д. Дагестан: время судьбы. Воспоминания. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1970.
18. Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества. Россия и Северный Кавказ. М.: Русская панорама. 2000. № 2.
19. Дзуцев Х.В. Социально-экономическая и политическая ситуация в Республике Дагестан. Ученые записки РГСУ. 2011. №1. С. 69-72.
20. Дзуцев Х.В. Ваххабизм в республиках Северо — Кавказского федерального округа Российской Федерации: реалии и последствия //Социологические исследования. 2011. № 8. С. 107-114.
21. Дзуцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. Монография. Издательский грант РФФИ №12-06-07127. М., РОССПЭН, 2012
22. Дзуцев Х.В. Межнациональная напряженность на Северном Кавказе// Этносоциум, № 11 (77). 2014. С. 123-136.

23. Доманов В.Г. Миграционная политика в контексте становления гражданского общества // Философия права, 2013, № 6. С. 79-82.
24. Емельянов В.П. Терроризм преступления террористической направленности. – Харьков -1997. – С. 20 – 21.
25. Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник научных статей / Северокавказское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 1. Отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001.
26. Казиев Ш.М. Имам Шамиль; серия «ЖЗЛ» 2001.:М.
27. Кочетов Э.Г. Глобалистика. Теория, методология, практика. М., 2002. 301с.
28. Лавров Л.И. Вопросы происхождения народов Северо-Западного Кавказа // Совещание по методологии этногенетических исследований. Тезисы докладов и выступлений Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Л., 1951. С. 2-4. Электронная версия: http://apsnyteka.org/file/Lavrov_Ubykhi.pdf
29. Ляушева С. А. «Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность». Майкоп: изд-во СКНЦ ВШ, 2002, с. 151.

30. Ляхов Е.Г., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. Ростов н/Д.1999. С. 81.
31. Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939.
32. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVII - начале XIX вв. Махачкала, 1957.
33. Магомедов Р.М. Хронология истории Дагестана. Махачкала, 1959.
34. Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991.
35. Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1991.
36. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. - М.,1998. - С. 34.
37. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. Глава третья. Исламская идентификация. Моск. центр Карнеги. М.: Гендальф, 2001. // Электронная версия: <http://pubs.carnegie.ru/books/2001/03am>.

38. Малышева Д.Б. Конфликты в развивающемся мире, России и СНГ. – М., 1997.
39. Масионис Дж. Социология, «Питер», 2004. 751с.
40. Матишов Г. Г., Батиев Л. В., Котеленко Д. Г. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. II. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. С. 11.
41. Мацнев А.А. Этнополитические конфликты и проблемы геополитики // Вопросы национальных и федеративных отношений. М.: РАГС, 1997. - С. 158–173.
42. Мордовцева Т.В. Клерикализм в условиях светской российской государственности // Философия права, 2013, №4, С. 16-22.
43. Муртузалиев С.И., Цатуров В.Н., Кислова Г.И., Магомедова М.М., Ханбабаев К.М. Реалии и перспективы поликультурного образования в Дагестане. - Махачкала, 2003. - С. 150-161.
44. Осипов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М.: Норма, 2007.
45. Османов Г.Г. Современный Дагестан: Геополитическое положение и международные отношения. – Махачкала, 1999

46. Пахомов В.Г. Идеи федерализма в России в начале XXI века // *Философское право* . 2014, №6. С. 44-48.
47. Руновский А. Записки о Шамиле. Махачкала, 1989.
48. Стародубровская И. В. Как искоренить террор в Дагестане// *«Новое дело»*, №18, 08.05.2014.
49. Стародубровская И.В., Соколов Д.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография // М.: издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2013. - 280 с.
50. Сюкийянен Л.Р. Концепция мусульманского государства: доктрина и реальность // *Критика буржуазных политических и правовых концепций: Материалы теоретического семинара по проблемам зарубежных стран*. М., 1984. С.97.
51. Текущий архив Комитета Правительства Республики Дагестан по делам религий. Фонд «Ислам в Дагестане». Папки «Исламские организации в РД», «Мечети в Дагестане», «Паломничество мусульман в Дагестане», «Мусульманские учебные заведения в Дагестане», «Мактабы в РД в 2006 г.», «Медресе в РД в 2006 г.», «Исламские вузы в РД в 2006 г.» (цит. по Ханбабаеву).
52. Тагаев Магомед. Наша борьба, или Повстанческая армия имама. - Киев: Наука, 1997. Он же: Газават, или Как стать

бессмертным. /Второе издание/. Подпольное книжное издательство национально-освободительных сил Кавказа «Искра», 1999; Мухаммад Багаутдин. Учебник арабского языка. Первый год обучения. - М.: Сантлада, 1992; Он же: Мабадиуль арабийя. - М.: Сантлада, 1993; Абдул Азиз бин Абдулах Бин Баз. Необходимость соблюдения Сунны посланника Аллаха и признание безбожниками тех, кто отвергает ее. КСА: Мин. Вакуфов, 2000; Мухаммад бин Сулейман ат-Тамими. Три принципа. Махачкала: Бадр, 1997; Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими. Книга Единобожия. - Баку, 1997; Фатхи Якан. Ислам: идеи, движения, перемены. Изд. первое. - М.: Сантлада, 1992; Зину Мухаммад бин Джамиль. Исламская акида (вероучение, убеждение, воззрение) по Священному Корану и достоверным изречениям пророка Мухаммада. /Б.г.м./; Он же: Столпы ислама и веры. - М.: Сантлада, 1992; Кутб Сейид. Будущее принадлежит исламу. - М.: Сантлада, 1993; Он же: Будущее принадлежит исламу. Эта религия. Вехи на пути Аллаха. Пер. с араб. А.И. Абдуллах. - Махачкала: Бадр, 1997; Башамил Мухаммад Ахмад. Как мы понимаем Единобожие. - Махачкала: Бадр, 1997; Аль-Фаузан Салех бин Фаузан. Дружба и непричастность в

исламе. Б.; Шарг-Гарб, 1996. Переиздано: Баку, 1996. Переводчик Нажмутдинов Н.И.; Он же: Книга Единобожия. - М.: Бадр, 1997; .Аль-Макдиси, Абд аль-Гани. Основы вероучения в хадисах пророка. Махачкала, 1999. Пер. с арабск. Ахмедкади Ахтаева; Аль-АшкарИ Мохаммад Сулейман. Познакомимся с исламом. - М.,1995; О единении религий. Фетва № 19402 от 25 мухаррама 1418 г.х. Постоянная комиссия по научным исследованиям и фетвам Королевства Саудовская Аравия; Хачилаев Надыршах. Руководство к программе всемирного восстания мусульман из книги «Наш путь к газавату». /Б.м.г./; Магомедов Сулиман. Ислам под игом режима. - Грозный: Книга, 1994; Умар Абдурахман бин Хаммад. Ислам - религия истины. - М.: Сантлада,1993; Тамими. М.С. Книга Единобожия. - М.: Бадр, 1999; 2-изд. - М.: Бадр, 2001. С комментариями Абдурахмана ас-Саади; Программы по изучению шариатских наук. Совместное издание Министерства по делам ислама, вакфов, призыва и ориентации КСА, российского фонда «Ибрагим Аль Ибрагим». - М.,1999; Ибрагим М.А-Л. Установление законов Аллаха. - М.: Бадр, 1997; Аль-Маудуди Абу Аль-Аля. Основы ислама. Пер. И.Мухаммеда Шейха. - М:

Сантлада, 1993; Он же. Жизненная миссия пророка. - М.: Сантлада, 1992; Он же. Мы и западная цивилизация. - М., 1993; Он же. Принципы ислама. - М.: Захра, 1993; Он же. Образ жизни в исламе. Изд. первое. - М.: Сантлада, 1993; Шибли Рауф. Аш-шейх Хасан аль-Банна ихван-уль муслимин. Дар-уль ансар, 1978. (Шейх Хасан аль-Банна и «братья-мусульмане»); Джамалсултан. Мукаддиматун фи сабиль машруиналь хазари. - Эр-Рияд: Дарул Ватан. (Начала нашей сегодняшней программы). Б.м.г.; Салахутдин Ахмад. Зававих фи важхи суннати. /Б.м./Изд-во Абдулькалям. (Буря в лице сунната); Ибн Таймийя. Аль-васиба байна-ль хаки ва-ль халки. - Макка: Дар-уль хадисиль хайрийя, /б. г./. (Посредник между истиной и народом); Хамд-Али, Сах бну. Мажмуъат-уль расаил. - Эр-Рияд: Дар-уль хидаят, 1979. (Сборник писем); Магди, Махмуд Истанбули. Шейх Шам Джамалудин аль-Касимийи. - Бейрут: Аль-исламия, 1985. (Сирийский Шейх Джамалутдин из Касими); Аль-Джихни Маниа бен Хаммад. Аль-Маусуа аль-муяссара фи аль-адьян ва аль-мазахиб ва аль-ахзаб аль-муасыра. - Эр-Рияд, 1418 г/х. Т.1. (Энциклопедия современных религий, движений и партий. /Под ред. аль-Джихни, Маниа бен Хаммада; Ибну Фаузан,

Салих. Хукуку н-набийи байнал ижлал ва-л ихлас. КСА, 2001. (Право Пророка между почитанием и преданностью); Фавзан, Салех ибн Фавзан. Китабу-т-тавхид. - Ар-Рийяд: Дар-Аттайиба. (Книга единобожия); Тахан М.М. Мустакбаль аль-ислам фи аль-Коказ ва билад ма вара ан-нахр. - Кувейт, 1995. (Будущее ислама на Кавказе и Средней Азии); Абдул Азиз бну Абдулах Джухайни. Ат-тавасулул мишруъу ва-л мамнуъу. КСА. 1418 г.х. (Разрешенное и запретное); Абдул Азиз бну Абдулах ибн Баз. Аль акидату ас сахихату ва ма яздаду ва навакизул ислам. КСА. 1410 г.х. (Убеждения правильные и портящие ислам); Яндарбиев Зелимхан. Чечения-битва за свободу. - Львов, 1996 (личный архив Ханбабаева).

53. Тишков В. А. О природе этнического конфликта //Свободная мысль. – 1993. №4. С. 8.
54. Тихомиров Л.А. «Религиозно-философские основы истории»: lib.eparhia-saratov.ru/books/18t.
55. Тощенко Ж.Т. «Фантомы российского общества М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.
56. Тупаев А.В. Идеология русского евразийства: концепты и символы// Философия права, 2013, №6. С. 48-51.

57. Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Северо-Западном Кавказе // Исторический сборник. М., 1936. Т. IV.
58. Федотова В.Г. «Хорошее общество». М., Прогресс-Традиция, 2005 г.
59. Хамдохова Ж.М. Взаимодействие соседствующих культур в контексте динамики образа жизни: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.социол.н.: Нальчик: 2001. - 23 с.
60. Ханбабаев К.М. Религия и молодежь// Народы Дагестана. 1999. №№. С. 41-43.
61. Ханбабаев К.М. Возрождение мусульманского права в Дагестане: теория и практика // Ислам и право в России: материалы научно-практического семинара «Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье)». - М., 2004. - Вып. 2. - С. 120-122.
62. Ханбабаев. К.М. Личный архив. Папка «Шиизм в Дагестане».
63. Ханбабаев К.М. Учащаяся молодежь Дагестана и религия // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень № 2 Комитета Правительства РД по делам религий. - Махачкала, 2002. - С. 77.

64. Ханбабаев К.М. Духовный мир молодежи // Проблемы поликультурного образования в Дагестане. - Махачкала, 2002. - С. 120-130.
65. Ханбабаев К.М. Религиозный фактор в этноконфессиональных конфликтах в постсоветском Дагестане // Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций: опыт Дагестана. Материалы международной научной конференции. Москва, 25-27 мая 2004 г. / Отв. ред. Тишков В.А.. М., 2005. - С. 97-98.
66. Ханбабаев К.М. Религиозный фактор в этноконфессиональных конфликтах в постсоветском Дагестане // Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций: опыт Дагестана. Материалы международной научной конференции. Москва, 25-27 мая 2004 г. / Отв. ред. Тишков В.А.. М., 2005. - С. 97-98.
67. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. ООО "Изд-во «АСТ», 2003. 608 с.
68. Хунаху Р.А., Цветков О.М. Исторический феномен в современном преломлении // Социол. исслед. 1995. № 11.
69. Цагарейшвили Ш. В. Шамиль - ставленник султанской Турции и английских колонизаторов // Сборник документальных материалов под редакцией Госиздата

- Грузинской ССР, Сектор политической литературы.
Тбилиси-1953. 564 с.
70. Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий. // ПОЛИС. – 1999. – №4.
71. Черноус В.В., Цихоцкий С.Э. Кавказский вопрос как геополитическая проблема: история и современность. // Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. Ростов на/Д., 1999. С. 16.
72. Шамиль на Кавказе и в России: биографический очерк: (репринтное воспроизведение издания 1889 года) / Сост. Чичагова М. Н. М.: Русская книга, Полиграфресурсы, 1995. — 208 с.
73. Шихсаидов А.Р., Шихсаидова Н.А. Библиотека Шамиля (коллекция Принстонского университета, США). Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2001, № 10.
74. Шаляпин С.О., Михайлов С.В. «Взаимовлияние религиозной и правовой норматики в контексте глобализационных процессов //Философия права, 2014, №2 (63), С. 27-32.
75. Шахрутдинов Р. "Azatlyq", интернет-ресурс «Islam-today»
<http://islam->

today.ru/obsestvo/est_li_svyaz_mezhdu_demokratiej_i_kolichestvom_mechetej

76. Явич А.С. О философии права на рубеже XXI века// Правоведение, 2000, С. 32-45.
77. Apel Hans. Europa ohne Seele. GGP Media GmbH, Pöbneck, Brunnen Verlag Gießen. 2007. 256s.
78. Bell J.S. Tagebuch seines Aufenthaltes in Cirkossien während der Jahre 1837, 1838 und 1839/ Pforzheim, 1841 (цит. по Лаврову).
79. Cederman L-E. Articulating the Geo-Cultural Logic of Nationalist Insurgency//Swiss Federal Institute of Technology (ETH), Center for Comparative and International Studies (CIS). January 13, 2004. 40 P (репринтное издание).
80. D'Ohsson M.C. «Les peuples du Caucase». Paris., 1827. /цит. По Лаврову/.
81. Fearon J. D. and Laitin D. D. Sons of the Soil, Migrants, and Civil War// World Development Vol. 39, No. 2, pp. 199–211, 2011.
82. Fearon, J. D., and Laitin D. D. 2003. Ethnicity, Insurgency, and Civil War// American Political Science Review 97 (1):75-90.

83. Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnya and Daghestan. L., 1994.
84. Hamed Abdel-Samad // "Moderate Muslimbrüder? Wie Naiv!"/Die Presse, 03.07.2013.
85. Huntington, Samuel, 1993. One clash of civilizations? // Foreign Affairs, 72. 3.1993.
86. Janßen A., Polat A. «Soziale Netzwerke türkischen Migrantinnen und Migranten// „ Politik und Zeitgeschichte“ . B. 1-2, 2006, S. 11.
87. Sejdini Z. „Wir sind keine Götter“//Tiroler Zeitung, №66, 7. März. 2015.
88. Sambanis N. Milanovic B. Explaining the Demand for Sovereignty// Policy Research Working Paper. The World Bank Development Research Group Poverty and Inequality Team. November 2011. 37P.
89. Toft M. D., Zhukov Y. M. Islamists and Nationalists: Rebel Motivation and Counterinsurgency in Russia's North Caucasus// American Political Science Review Vol. 109, No. 2 May 2015.
90. Toft M. D. , Zhukov Y. M. Denial and punishment in the North Caucasus: Evaluating the effectiveness of coercive

counter-insurgency //Journal of Peace Research. Nov 22, 2012.
785-800

91. Wagner F. Schamyl als Feldher, Sultan und Prophet. Leipzig, 1854. S. v, 1-4, 60-63./Цит. По Лаврову/.
92. Zaccone P. Schamyl ou le libérateur du Caucase. Paris, 1854. P. 6-7. Derbend-Nameh, 1851 — Derbend-Nameh. Translated from a Select Turkish Version and Published with Notes, by Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851. /цит. по Лаврову/.
93. Washington Post.
<http://www.agentura.ru/press/about/jointprojects/washprofile/iraqinsurgents>

Раздел 2. ПРОГРАММА И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Актуальность проблемы

Религиозная ситуация сегодняшней России и тенденция ее развития требуют пристального внимания как федеральных, так и региональных ветвей власти. Данная проблема представляется наиболее злободневной в контексте безопасности и целостности России, где в постсоветский период стали складываться альтернативные модели региональных политических систем и региональных идеологий, ориентированных на титульные нации при формировании властных структур республик.

Борьба титульных наций за власть и собственность стала находить опору в этническом национализме и традиционной религиозности. Смена советской идентичности на этнонациональную и религиозную обострила проблему государственно-правового этнонационального самоопределения, которая наиболее остро проявилась на Северном Кавказе - в самом сложном в этническом и конфессиональном отношении регионе Российской Федерации.

Современная действительность свидетельствует о том, что одну из реальных угроз для России представляют внутренние конфликты в северокавказских республиках, которые отличаются не только тяжелым экономическим и социально-политическим положением, но и религиозно-экстремистской активностью.

Проявление экстремизма в религиозной сфере – явление, ставшее следствием социально-экономического, политического,

культурного кризиса в России. Причиной этого послужила резко возросшая имущественная поляризация населения, происходящая на фоне прогрессирующего экономического отставания северокавказских республик от центральных регионов страны. Данное обстоятельство является определяющим в формировании крайней идеологической и моральной нестабильности в северокавказском обществе, что негативно влияет на национальную безопасность Российской Федерации в целом.

В субъектах страны на Северном Кавказе этническая мобилизация на основе этнонационализма и религии вышла за рамки бытового национализма и стала развиваться в форме ксенофобии, политических и этнорелигиозных конфликтов, экстремизма и сепаратизма, включая крайнюю форму - терроризм.

Недостаточная эффективность существующих правовых механизмов регулирования этнополитических и религиозно-политических процессов привела к подмене их административным маневрированием на основе компромиссов, уступок федеральной и региональным элитам на Северном Кавказе. В результате к концу 90-х годов XX века вертикаль власти значительно ослабла. К тому же процесс регионализации страны совпал с реструктуризацией геополитической и геоэкономической картин мира, что, в свою очередь, было вызвано рядом важнейших тенденций глобализации. Юг России из тесно связанных между собой и центром экономических административных единиц превратился в аморфное приграничное образование и стал объектом интересов сил, стремящихся реализовать различные модели глобализации.

Проблема религиозного экстремизма на Северном Кавказе является предметом внимания не только российских государственно-правовых институтов, но и субъектов

международного уровня. В настоящее время со всей остротой ощущается недостаточная разработанность теоретических положений и практических рекомендаций по проведению национальной политики государства в условиях экстремистской деятельности противников национальных интересов России на Северном Кавказе и его населения. Особенно остро это ощущается в противодействии экстремизму в религиозной сфере.

Актуальность проблемы также обусловлена тем, что события в исследуемом регионе развиваются столь стремительно и непредсказуемо, что за короткий срок их трудно интерпретировать на достаточно высоком научном уровне. Осмысление и этносоциологический анализ требуют значительного научного и политического опыта, особенно это касается вопросов противодействия религиозному экстремизму. Именно поэтому исследователи сталкиваются с недостаточностью научных работ по данной проблеме.

Цели и задачи исследования

Научная цель исследования в изучении характера религиозного экстремизма в Северо-Кавказских республиках как угрозы социально-политической стабильности России.

Практическая цель исследования состоит в поиске механизмов этнорелигиозного экстремизма в Северо-Кавказском регионе СКФО РФ путем координирования действий федеральных и местных властей, а также субъектов гражданского общества.

Конкретные задачи исследования вытекают из обозначенных целей исследования и состоят в следующем:

- определение особенностей религиозного экстремизма, его форм и функций, раскрывающихся на современном этапе во взаимодействии с реальными социальными процессами в республиках СКФО РФ;
- определение доминирующих признаков религиозного экстремизма на Северном Кавказе,
- определение места религиозной идеологии в мировоззрении современного общества;
- определение уровня, а также факторов и вектора развития религиозности населения национальных республик СКФО как потенциального поля распространения религиозного экстремизма;
- определение границ вовлеченности религии и религиозных структур в экономическую и политическую жизнь общества;
- определение роли гражданских институтов в решении проблемы распространения религиозного экстремизма на Северном Кавказе;
- прогноз развития религиозного экстремизма на Северном Кавказе;
- определение правовых границ использования методов, способствующих минимизации распространения идеологии религиозного экстремизма с учетом особенностей социально-экономического, политического, этнокультурного развития республик Северо-Кавказского региона;
- выявление эффективных правовых механизмов противодействия и профилактики религиозного экстремизма с учетом закономерностей общественного сознания кавказских народов.

Названные укрупненные группы задач включают в себя значительное количество более частных переменных, которые будут описаны ниже.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является население национальных республик, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ России:

- Республика Дагестан (РД);
- Республика Ингушетия (РИ);
- Кабардино-Балкарская Республика (КБР);
- Карачаево-Черкесская Республика (КЧР);
- Республика Северная Осетия-Алания (РСО-А);
- Чеченская Республика (ЧР).

Предметом исследования являются факторы развития религиозного экстремизма на Северном Кавказе, детерминанты социально-политической дестабилизации в РФ.

Содержание измеряемых переменных подробно описано в разделе II.

Алгоритм обработки данных и результат работы

Количественные данные массового опроса предполагают обработку путем частотного и сопряженностного анализа, а также с помощью процедур факторного и кластерного видов анализа с целью выявления устойчиво взаимосвязанных групп переменных, которые могут быть интерпретированы как показатели религиозного экстремизма и факторы, формирующие их с той или иной степенью выраженности.

Полученные качественные данные экспертного опроса подвергнутся контент-анализу.

Предлагаемый подход позволит сравнить потенциальный уровень религиозного экстремизма во всех обследуемых республиках, а также определить «конфигурацию» факторов напряженности в каждой отдельной.

В социологическом исследовании предлагается применить комплексный подход к изучению факторов, определяющих место религиозного экстремизма как серьезной угрозы стабильности России в Северо-Кавказском регионе. Основной аспект этого подхода состоит в использовании принципов культурологического анализа, согласно которому поведение людей рассматривается и объясняется через доминирующие в той или иной культуре стереотипы и правила.

Методически этот подход будет обеспечен за счет комплексного использования таких методов социологических и этносоциологических исследований, как массовые опросы населения, опросы экспертов, контент-анализ местных СМИ.

Предполагается также работа с социально-экономической статистикой, другими вторичными данными, характеризующими социально-политический фон исследования.

В связи с имеющейся проблемой достоверности документальной информации будет использован механизм косвенной проверки показателей и перепроверки по другим источникам.

Применение комплекса различных методов в ходе исследования обосновано, во-первых, необходимостью обеспечения адекватности (валидности) каждого отдельного метода истинному характеру изучаемых социальных процессов. Во-вторых, латентный

характер такого явления, как религиозный экстремизм, диктует необходимость использования соответствующих инструментов; например, преобладание косвенных вопросов в анкете для массового опроса объясняется низкой эффективностью прямых вопросов. Перечисленные выше методы исследования дополняют друг друга в изучении сложной проблемы.

Задачи исследования логически обосновывают следующую укрупненную группировку изучаемых переменных:

- a) масштабы, функции, формы и доминирующие факторы современного религиозного экстремизма на Северном Кавказе;
- b) факторы и вектор развития религиозности населения национальных республик СКФО как потенциального поля распространения религиозного экстремизма;
 - 1) место религиозной идеологии в мировоззрении современного общества;
 - 2) уровень религиозности населения (что есть религия для населения, в чем проявляется религиозность и под влиянием чего изменяется);
 - 3) вовлеченность религии в экономику;
 - 4) вовлеченность религии в политику;
- c) роль гражданских институтов в решении проблемы распространения религиозного экстремизма на Северном Кавказе;
- d) правовые границы противодействия и профилактики распространения идеологии религиозного экстремизма на Северном Кавказе;
- 5) прогноз развития религиозности населения республик СКФО;

е) прогноз развития религиозного экстремизма на Северном Кавказе³⁶.

Материалы массового опроса должны позволить сделать выводы о том, как и в какой степени религиозность, религиозные установки населения северокавказских республик и вектор их развития могут служить благоприятной средой для развития религиозного экстремизма в СКФО. Для решения этой задачи анкета для массового опроса должна включать пять групп вопросов из десяти представленных выше (чаще всего - частично). Шестая группа - группа социально-демографических характеристик.

Каждая группа вопросов, в свою очередь, представляет собой блок конкретных характеристик, операционализированных в анкете в виде конкретного или группы взаимосвязанных вопросов.

В той мере, в которой это было возможно, конкретные формулировки вопросов анкеты совпадают с формулировками, которые использовались крупными социологическими центрами, регулярно проводящими всероссийские социологические опросы по всероссийской репрезентативной выборке (ВЦИОМ, Левада-центр, ФОМ и др.). Это позволит проанализировать отдельные проблемы не только в национальных республиках Северного Кавказа, но и сравнить соответствующие установки с общероссийскими показателями.

Экспертный опрос предполагает охватить не менее 10 экспертов в каждой из рассматриваемых республик СКФО, то есть в совокупности не менее 70 человек. В качестве экспертов в опросе участвовали представители законодательных и исполнительных

³⁶ Список, пронумерованный цифрами, включает блоки переменных, определяемых в массовом и экспертном опросах. Список с буквенной нумерацией представляет переменные только для экспертного опроса.

органов власти, в том числе силовых структур, журналисты, ученые соответствующих областей знания.

Для проведения экспертного опроса была разработана анкета (гайд), предполагающая формализованные (закрытые и полукоткрытые) и неформализованные (открытые) варианты ответов на вопросы. Гайд для экспертов нацелен на получение более глубокой информации о распространении религиозного экстремизма, но вместе с тем, логически выстроен, как и анкета для массового опроса, но с акцентом на вопросы, требующие компетенции эксперта. В гайде полностью или частично отражены все десять групп переменных, приведенных выше. Эксперты могли пропускать вопросы, не соответствующие их компетентности.

Для удобства восприятия параметры анкеты и гайда, включающие основные группы и подгруппы вопросов, а также конкретные измеряемые характеристики сведены в следующую таблицу.

Таблица 1

МОДЕЛЬ ИНСТРУМЕНТАРИЯ И ОСНОВНЫЕ ИЗМЕРЯЕМЫЕ ПАРАМЕТРЫ

<u>Массовый опрос</u>	<u>Экспертный опрос</u>
А. Масштабы, функции, формы и доминирующие факторы современного религиозного экстремизма на Северном Кавказе	
	А.1) Понятие, формы, функции и сущность современного религиозного экстремизма
	А.2) Степень распространения религиозно-экстремистских настроений в республиках

	Северного Кавказа
	А.3) Динамика и тренд развития религиозно-экстремистских настроений в республиках СКФО
	А.4) Детерминирующие факторы религиозного экстремизма на Северном Кавказе
	А.5) Характер последствий религиозного экстремизма
В. Факторы и вектор развития религиозности населения национальных республик СКФО как потенциального поля распространения религиозного экстремизма	
	В.1) Факторы развития религиозности
1. Место религиозной идеологии в мировоззрении современного общества	
1.1. Источники религиозной информации:	
– традиционные источники и каналы информации по религиозным вопросам	
– новые источники и каналы информации по религиозным вопросам	
– оценка надежности источников информации по религиозным вопросам	
– самооценка степени самостоятельности в	

информационном религиозном поле
1.2. Религия как один из самых древних, консервативных и жизнеспособных институтов:
– причины жизнеспособности религии как института
– консерватизм и динамизм развития религий
– распространение сектантства на Северном Кавказе
– распространение радикальных течений ислама на Северном Кавказе
1.3. Место религии в структуре ценностей:
– место религии в обыденной жизни человека
– степень религиозной зависимости населения
– иерархия наиболее важных ценностей в общественном сознании, способных оправдать жертвенность и насилие
2. Уровень религиозности населения (что есть религия для населения, в чем проявляется религиозность и под влиянием чего изменяется)
2.1. Доля верующих:
– декларируемая численность и структура верующих
– количественная оценка религиозности в ближайшем и отдаленном окружении
2.2. Глубина религиозности:
– религиозное воспитание
– каноничность («чистота») религиозности или смешение различных верований в сверхъестественное

2.3. Символы, язык религиозной идеологии	
– отношение к исполнению религиозных обязанностей и обрядов	
– отношение к символам религии (религиозным книгам, образам и т.п.)	
– консерватизм и новаторство в отношении к религиозным символам и обрядам	
– толерантность к религиозным символам «чужой» религии	
	2.4. Факторы усиления и ослабления религиозности населения, новые религии
2.5. Влияние религиозности и разных религий на поведение населения и ценности:	
– уровень религиозной толерантности населения	
– религиозная принадлежность как фактор разобщения, противостояния, агрессии населения	
– границы безрискового проявления религиозности	
2.6. Уровень и степень распространения экстремизма, формы его проявления:	
– отношение к оттоку русскоязычного населения из республик Северного Кавказа	
– отношение к статусным претензиям различных религий	
– социальная активность населения в реализации	

религиозных интересов	
– готовность к противостоянию «чужим» религиям и атеизму	
– готовность к участию в акциях протеста по религиозным основаниям	
– отношение к возможности хранения и применения в определенных условиях огнестрельного оружия	
	2.7.Влияние разных религий на уровень и степень распространения экстремизма, формы его проявления
3. Вовлеченность религии в экономику (религия как фактор экономической активности, религия как бизнес, религиозная экономика)	
3.1.Влияние религиозности и различных религий на экономическую активность населения:	
– интерпретация рыночных отношений в разных религиях	
– отношение к рыночным преобразованиям в РФ	
– отношение к собственному предпринимательству в разных религиозных группах населения	
	3.2.Экономика религиозных организаций (виды деятельности, источники доходов, направления расходов и т.д.)

<p>4. Вовлеченность религии в политику (что есть религия для религиозных, официальных и неформальных политических элит)</p>
<p>4.1.Светское или религиозное государство:</p>
<ul style="list-style-type: none"> – оценка степени допустимости участия религиозных организаций в решении государственных вопросов
<ul style="list-style-type: none"> – отношение к светскому и религиозному устройствам государства
<ul style="list-style-type: none"> – религиозный фактор формирования выборных органов власти
<ul style="list-style-type: none"> – оценка степени отчуждения населения от политической жизни
<ul style="list-style-type: none"> – отношение к политическим лидерам страны
<ul style="list-style-type: none"> – оценка деятельности силовых структур РФ
<ul style="list-style-type: none"> – оценка деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти субъекта РФ
<p>4.2.Религиозность политиков и чиновников как дополнительный механизм манипулирования обществом или рычаг власти:</p>
<ul style="list-style-type: none"> – оценка религиозности политиков и чиновников
<p>4.3.Религиозный экстремизм как инструмент завоевания власти неформальными лидерами финансового и религиозного секторов:</p>
<ul style="list-style-type: none"> – оценка характера и целей религиозности неформальных элит
<p>4.4.Религиозный экстремизм как инструмент геополитического передела:</p>

<p>– оценка внешнеполитического и экономического вмешательства в формирование религиозного сознания в СКФО</p>	
<p>С. Роль гражданских институтов в решении проблемы распространения религиозного экстремизма на Северном Кавказе</p>	
<p>Д. Правовые границы противодействия и профилактики распространения идеологии религиозного экстремизма на Северном Кавказе</p>	
<p>5. Прогноз развития религиозности населения республик СКФО</p>	
<p>5.1. Оценка населением (экспертами) последствий углубления религиозности населения:</p>	
<p>– тенденции развития уровня и характера религиозности в республиках Северного Кавказа</p>	
	<p>5.2. Оценка экспертами последствий появления новых религиозных течений</p>
<p>Е. Прогноз развития религиозного экстремизма на Северном Кавказе</p>	
	<p>Е.1. Оценка экспертами степени риска роста религиозного экстремизма для</p>

	экономической, политической и социальной стабильности в РФ
б. Социально-демографический блок	
<i>1. Демография:</i>	
– пол	– <i>возраст</i>
– возраст	– <i>уровень образования</i>
– семейное положение	– <i>республика</i>
– число членов семьи	
– наличие детей в семье	
– число детей в семье	
– образование	
– уровень дохода	
– удовлетворенность качеством жизни	
– национальность	
– род занятий	
<i>2. Место жительства:</i>	
– тип населенного пункта	
– оценка места проживания	

- регион	
----------	--

ВЫБОРКА

Для полноценной реализации целей и задач исследования в каждой республике необходимо провести репрезентативный опрос жителей по таким признакам, как возраст, пол, уровень образования, национальная принадлежность, типоселенческие характеристики.

Объем выборки должен позволять осуществление методов факторного и кластерного анализов, а также сравнение полученных на их основе индексов между республиками и с Россией в целом. В связи с этим целесообразный объем выборки составляет 200 респондентов в каждой республике. Равный объем выборки в субъектах СКФО позволяет обеспечить равную представленность (вес) мнения населения республик в обобщенных данных по региону. Общий объем выборки для шести республик составит соответственно 1200 респондентов. Предельная ошибка выборки для совокупного массива не превысит 1,4%.

Для проведения опроса в каждой республике выборка строится как территориальная, стратифицированная по типам населенных пунктов, маршрутная, квотная по социально-демографическим и национальным признакам (пол, возраст, образование, национальный состав).

Конкретные параметры выборки, построенные на основании данных государственной статистики по каждой республике, приведены ниже.

1. Республика Дагестан

СТРУКТУРА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ на 1 января 2013 г.

В %

Возрастные группы	Все население	Мужчины		Женщины		Городское население	Мужчины		Женщины	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины		Сельское население	Мужчины	Женщины	
18–24 года	18,9	9,5	9,5	18,7	9,7	9,0	19,1	9,3	9,8	
25–34 года	24,4	11,9	12,5	25,0	12,9	12,2	23,9	11,3	12,7	
35–44 года	22,1	10,2	11,8	22,0	10,3	11,7	22,2	10,2	11,9	
45–54 года	13,4	6,3	7,2	15,0	7,0	8,0	12,3	5,7	6,6	
55–59 лет	2,9	1,3	1,6	3,3	1,5	1,8	2,7	1,2	1,5	
60 лет и старше	18,3	7,3	11,0	16,0	6,5	9,5	19,9	7,8	12,1	
Всего	100	46,5	53,5	100	47,8	52,2	100	45,5	54,5	

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО ТИПАМ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

В %

г. Махачкала	17,9
Прочие города и пункты городского типа	24,8
Село	57,2
Всего	100,0

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ

В %

С высшим образованием	17,0
Без высшего образования	83,0
Всего	100,0

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ СОСТАВУ

В %

Аварцы	29,4
Даргинцы	16,5
Кумыки	14,2
Лезгины	13,0
Лакцы	5,4
Табасаранцы	4,2
Ногайцы	1,2
Рутульцы	0,9
Агулы	0,9
Цахуры	0,5

Русские	5,0
Прочие национальности	9,0

2. Республика Ингушетия

СТРУКТУРА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ на 1 января 2013 г.

В %

Возрастные группы	Всенаселение	Мужчины		Женщины		Городское население		Сельское население	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
18–24 года	14,9	7,5	7,4	14,4	7,3	7,1	15,3	7,6	7,7
25–34 года	27,1	13,5	13,6	26,3	12,9	13,4	27,7	13,9	13,8
35–44 года	27,9	13,7	14,2	27,2	13,0	14,2	28,4	14,3	14,1
45–54 года	14,1	6,9	7,2	15,2	7,4	7,8	13,3	6,6	6,6
55–59 лет	3,0	1,5	1,5	3,5	1,7	1,9	2,6	1,3	1,3
60 лет и старше	13,0	5,3	7,7	13,3	5,4	8,0	12,8	5,3	7,4
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>48,4</i>	<i>51,6</i>	<i>100</i>	<i>47,6</i>	<i>52,4</i>	<i>100</i>	<i>49,1</i>	<i>50,9</i>

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО ТИПАМ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

В %

г. Назрань	26,8
Прочие города и пункты городского типа	15,7
Село	57,5
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ

В %

С высшим образованием	17,0
Без высшего образования	83,0
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ СОСТАВУ

В %

Ингуши	77,2
Чеченцы	20,4
Русские	1,2
Прочие национальности	1,2

3. Кабардино-Балкарская Республика

СТРУКТУРА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ на 1 января 2013 г.

В %

Возрастные группы	Всенаселение	Мужчины		Женщины		Городское население		Сельское население	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
18–24 года	16,2	8,1	8,0	15,4	7,6	7,9	17,2	8,9	8,3
25–34 года	19,4	9,6	9,8	20,5	10,2	10,2	17,8	8,6	9,2
35–44 года	22,4	10,6	11,8	21,7	9,9	11,8	23,4	11,6	11,8
45–54 года	15,8	7,3	8,5	17,1	7,6	9,4	14,0	6,8	7,2
55–59 лет	4,4	1,9	2,5	4,4	1,9	2,5	4,5	1,9	2,6
60 лет и старше	21,8	8,1	13,8	21,0	7,6	13,4	23,1	8,8	14,3
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>45,5</i>	<i>54,5</i>	<i>100</i>	<i>44,7</i>	<i>55,3</i>	<i>100</i>	<i>46,6</i>	<i>53,4</i>

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО ТИПАМ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

В %

г. Нальчик	30,5
Прочие города и пункты городского типа	26,1
Село	43,4
Всего	100,0

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ

В %

С высшим образованием	20,0
Без высшего образования	80,0
Всего	100,0

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ СОСТАВУ

В %

Кабардинцы	55,3
Балкарцы	11,6
Русские	25,1
Прочие национальности	8,0

4. Карачаево-Черкесская Республика**СТРУКТУРА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ на 1 января 2013 г.**

В %

Возрастные группы	Все население			Городское население			Сельское население		
		Мужчины	Женщины		Мужчины	Женщины		Мужчины	Женщины
18–24 года	15,5	7,8	7,7	15,7	7,7	8,0	15,4	7,9	7,5
25–34 года	18,4	8,9	9,5	19,0	9,3	9,7	17,9	8,6	9,3
35–44 года	21,8	10,5	11,4	21,2	9,5	11,7	22,4	11,3	11,1
45–54 года	16,7	7,8	8,9	18,5	8,5	10,0	15,2	7,2	7,9
55–59 лет	3,7	1,6	2,1	4,0	1,7	2,3	3,5	1,5	2,0
60 лет и старше	23,8	9,0	14,7	21,6	8,1	13,5	25,6	9,8	15,8
Всего	100	45,7	54,3	100	44,8	55,2	100	46,4	53,6

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО ТИПАМ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

В %

г. Черкесск	26,5
Прочие города и пункты городского типа	17,6
Село	56,0
Всего	100,0

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ

В %

С высшим образованием	20,0
Без высшего образования	80,0
Всего	100,0

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ СОСТАВУ

В %

Карачаевцы	38,5
Черкесы	11,2
Русские	33,6
Абазины	7,3
Ногайцы	3,4
Прочие национальности	6,0

5. Республика Северная Осетия-Алания**СТРУКТУРА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ на 1 января 2013 г.**

В %

Возрастные группы	Всё население	Мужчины	Женщины	Городское население	Мужчины	Женщины	Сельское население	Мужчины	Женщины
18–24 года	13,9	7,1	6,8	13,5	6,8	6,7	14,7	7,7	7,0
25–34 года	19,0	9,3	9,6	19,8	10,0	9,8	17,3	8,1	9,2
35–44 года	20,6	9,6	11,0	20,2	9,2	11,1	21,2	10,5	10,8
45–54 года	16,0	7,3	8,7	16,6	7,2	9,3	14,8	7,3	7,6
55–59 лет	4,4	1,9	2,6	4,6	1,9	2,7	4,2	1,8	2,3
60 лет и старше	26,1	9,9	16,3	25,4	9,4	16,0	27,7	10,8	16,9
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>45,0</i>	<i>55,0</i>	<i>100</i>	<i>44,4</i>	<i>55,6</i>	<i>100</i>	<i>46,2</i>	<i>53,8</i>

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО ТИПАМ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

В %

г. Владикавказ	44,4
Прочие города и пункты городского типа	21,0
Село	34,5
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ

В %

С высшим образованием	24,0
Без высшего образования	76,0
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ СОСТАВУ

В %

Осетины	62,6
Русские	23,1
Ингуши	3,1
Армяне	2,4
Прочие национальности	8,8

6. Чеченская Республика**СТРУКТУРА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ на 1 января 2013 г.**

В %

Возрастные группы	Всё население	Мужчины	Женщины	Городское население	Мужчины	Женщины	Сельское население	Мужчины	Женщины
18–24 года	23,1	11,4	11,7	20,5	9,9	10,6	24,1	11,9	12,1
25–34 года	18,0	7,9	10,1	10,6	3,8	6,9	20,8	9,4	11,3
35–44 года	21,8	8,9	12,9	19,5	5,9	13,6	22,7	10,0	12,7
45–54 года	17,0	6,9	10,0	21,8	7,2	14,6	15,1	6,9	8,3
55–59 лет	2,7	0,9	1,8	4,7	1,4	3,3	1,9	0,7	1,3
60 лет и старше	17,5	6,1	11,4	22,9	6,4	16,5	15,5	6,0	9,5
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>42,0</i>	<i>58,0</i>	<i>100</i>	<i>34,6</i>	<i>65,4</i>	<i>100</i>	<i>44,8</i>	<i>55,2</i>

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО ТИПАМ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

В %

г. Грозный	19,1
Прочие города и пункты городского типа	14,7
Село	66,2
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ

В %

С высшим образованием	10,0
-----------------------	------

Без высшего образования	90,0
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ СОСТАВУ

В %

Чеченцы	93,4
Русские	3,7
Ингуши	0,3
Прочие национальности	2,6